НЕ ...

ИЗДАНІЯ
ОБЩЕСТВА РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ ПАМЯТЬ
ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

Выпускъ 5.

КРЕСТЬЯНИНЪ-ПИСАТЕЛЬ
начала XVIII вѣка
И. Т. ПОСОШКОВЪ.
ЕГО ЖИЗНЬ и ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Историческій очеркъ И. С. БѢЛЯЕВА.

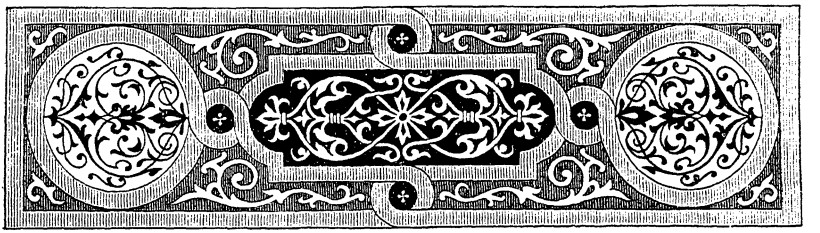
МОСКВА.
1902.

„Пров 38"

Дозволено цензурою. Москва, 4 декабря 1901 года.

53055

Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, д. Обидиной.



Одинъ изъ первыхъ русскихъ самородковъ—И. Т. Посошковъ.

I.

Въ жизни русскаго общества мы встрѣчаемъ такихъ людей, которые, происходя изъ простой среды, силою своего великаго ума, соединеннаго съ могучей волею, упорно прокладываютъ намѣченный себѣ путь, достигаютъ наконецъ цѣли своихъ стремленій, съ твердостью занимаютъ завоеванное мѣсто, горячо ратуютъ за родные устои, до конца своихъ дней не поступаясь ничьему чуждому вліянію; каждый трудъ ихъ дышитъ любовію къ отечеству и желаніемъ принести ему пользу и благо. Однимъ изъ такихъ видныхъ русскихъ дѣятелей безспорно былъ тотъ, величавый образъ котораго съ дѣтства запечатлѣлся въ нашемъ сердцѣ, тотъ архангельскій мужикъ, который „по своей и Божьей волѣ сталъ великъ и знаменитъ“.

Но встрѣчаемъ и другіе примѣры, когда человѣкъ тоже съ великими умственными и духовными способностями, поднимаясь также своими трудами изъ тяжелой жизненной обстановки, въ которой родился, напрягая

свою желѣзную волю среди превратностей судьбы, становится наконецъ жертвою какихъ-то тайныхъ, необъяснимыхъ причинъ, можетъ быть злобы, зависти, интриги и т. п., его почтенная дѣятельность на время забывается, и только счастливая случайность и пытливыя старанія ревнителей старины, ищущихъ живой связи настоящаго съ прошедшимъ, причины со слѣдствіемъ, выдвигаютъ чрезъ многіе десятки лѣтъ забытое русское имя и ставятъ его на подобающую высоту. Къ такимъ забытымъ и къ счастію дошедшимъ до насъ именамъ, благодаря усердію историковъ, принадлежалъ тотъ, очеркъ жизни котораго мы имѣемъ своимъ предметомъ.

Замѣчательный моментъ увидимъ мы въ исторіи русской жизни, если оглянемся какъ разъ почти на 200 лѣтъ назадъ. Въ началѣ 1697 года молодой царь, уже побѣдитель подъ Азовомъ, задумавшій путешествіе за границу, въ Москвѣ на своемъ Преображенскомъ дворѣ принималъ простого русскаго крестьянина Ивана Тихоновича Посошкова и въ разговорѣ съ нимъ выразилъ ему желаніе „сдѣлать рогатки огнестрѣльныя въ 3 ряда, а на нихъ по затинной пищали, обращающейся на всѣ стороны, цѣльныя съ замками, чтобы непріятеля можно было встрѣтить саженъ за 100 и больше, или въ погоню за нимъ стрѣлять“.

Что же за человѣкъ былъ Посошковъ, который удостоился видѣть очи Великаго Петра и выслушать предположенія государя, могущество котораго было уже въ полной силѣ. Почему онъ, русскій крестьянинъ, былъ, какъ мы увидимъ далѣе, занятъ мыслями такъ же, какъ и императоръ, о разныхъ усовершенствованіяхъ и о преобразованіи государства?

Свѣдѣній о дѣтскихъ годахъ этого замѣчательнаго

человѣка, русскаго самородка, почти нѣтъ. Достовѣрно, что онъ былъ *Москвичемъ* по рожденію, а по происхожденію принадлежалъ къ оброчнымъ крестьянамъ села Покровскаго, Рубцова тожъ. Село это въ настоящее время вошло въ часть Москвы и составляетъ довольно обширную, тянущуюся на нѣсколько верстъ, полосу города, называемую улицею Покровкою. Въ XVI вѣкѣ оно принадлежало предку царя Михаила Ѳедоровича боярину Захарьину-Юрьеву, потомъ отписано было въ дворцовыя села. Покровское-Рубцово было однимъ изъ любимѣйшихъ предмѣстій Москвы, которое въ лѣтнее время съ семействами посѣщали цари Михаилъ Ѳедоровичъ и въ особенности его сынъ Алексѣй Михайловичъ, о „походахъ“ котораго въ Покровское мы имѣемъ нерѣдкія свѣдѣнія въ дворцовыхъ запискахъ. Такъ какъ въ данное время государь былъ и вотчинникомъ въ полномъ смыслѣ слова, распространявшимъ свой государевъ глазъ и на хозяйственную сторону владѣнія, то Покровское можно считать однимъ изъ наиболѣе благоустроенныхъ селъ въ то время. По переписнымъ книгамъ Москвы 1646 года, хранящимся въ Архивѣ Министерства Юстиціи, въ Покровскомъ Рубцовѣ съ деревнями было около 139 дворовъ, т.-е. такая численность, которая превышала населеніе многихъ уѣздныхъ городовъ въ описываемое время.

Въ 1652 или 1653 году (положительныхъ свѣдѣній нѣтъ; мы надѣемся современемъ пополнить этотъ пробѣлъ) у крестьянина села Покровскаго Тихона Посошкова и жены его Улиты Михайловны родился сынъ Иванъ. Родители его, какъ видно, съ большою любовію заботились о сынѣ; такъ когда послѣдній, буду-

чи ребенкомъ, заболѣлъ какою-то „лютою болѣзнью“, они возили его къ *Троицѣ* въ Сергіевъ монастырь, гдѣ отецъ поддерживалъ его во время обѣдни и гдѣ во время Херувимской „взя его жаръ великъ и отецъ, изведъ его изъ церкви, положилъ за алтаремъ на камени; тутъ же въ монастырѣ ему стало лучше, и къ Москвѣ уже не на одрѣ его повезоша, но, на конѣ сидя, верхомъ поѣхалъ“. Изъ этого указанія самого Посошкова видно, какъ относились къ нему родители: они обратились, какъ и большинство людей того времени, къ единственной помощи въ своемъ горѣ, къ горячимъ молитвамъ у честныхъ мощей Святителю, къ обители котораго стекалась вся Россія.

Можно думать, что ихъ же любовь заставила подумать дать сыну то, чего не давали многіе знатные своимъ дѣтямъ, именно обучить его грамотѣ; вѣроятно и прилежная любознательность мальчика также способствовала ихъ намѣренію. Близость же къ Москвѣ, постоянныя сношенія государевыхъ служилыхъ людей, а можетъ быть и какое-нибудь случайное знакомство подвинули дѣло. Иванъ Посошковъ принялся за ученіе, у кого, намъ неизвѣстно, по обычаю прежде съ „азбуки учебной“, дальше пошли часословъ, псалтирь и другія церковныя книги, въ которыхъ потомъ Посошковъ явился глубокимъ знатокомъ. Наконецъ, самымъ послѣднимъ звеномъ было изученіе грамматики. Въ его время гражданской грамматики еще не существовало, употреблялась церковно-славянская Смотрицкаго, и эта книга была почти единственной наукой для русскихъ, служившей какъ бы ключемъ для открытія всѣхъ знаній. Посошковъ, какъ можно судить по его сочиненіямъ, изучилъ грамматику основательно; она, по сло-

вамъ его, давала возможность познавать „высоту и глубину премудрости“. Зная, какъ дороги были въ то время книги, по крайней мѣрѣ въ 8 разъ дороже теперешней ихъ стоимости, зная тяжелые способы обученія, мы поймемъ, какъ много сдѣлали простые родители Посошкова для того, чтобы поставить сына на ноги, и какъ недюжинны были способности послѣдняго, когда онъ съ успѣхомъ одолѣлъ всѣ тогдашнія трудности ученія.

Первымъ занятіемъ всякаго русскаго крестьянина въ описываемое время было хлѣбопашество въ соединеніи съ нехитрыми издѣліями домашняго обихода, дальше мелкая торговля всякой всячиной. И Иванъ Посошковъ, какъ можно думать, пошелъ въ первые годы юности по тому же пути. Есть предположеніе, что онъ научился всякимъ мастерствамъ въ ремесленныхъ мастерскихъ Оружейной Палаты, дѣятельность которыхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича была уже довольно разнообразна. Однако, и такая дѣятельность не могла быть вполнѣ по душѣ человѣку, для своего времени довольно образованному, съ творческими порывами; для него узокъ и тѣсенъ былъ кругъ занятій и хлѣбопашца и ремесленника. Оставался одинъ путь, возможный въ положеніи Посошкова, путь дающій право свободной дѣятельности: служба по виннымъ откупамъ. Занимавшіяся ими лица несли отчасти и государственную службу: они должны слѣдить, чтобы нигдѣ не было корчемства, т.-е. чтобы никто не производилъ и не продавалъ безъ должнаго разрѣшенія вина. По этому пути и пошелъ Посошковъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII вѣка мы видимъ его содержателемъ винокуреннаго завода въ Лихвинскомъ

уѣздѣ въ 30-лѣтнемъ возрастѣ. Промежутокъ же съ годовъ его юности и до содержанія завода покрытъ мракомъ неизвѣстности. Можно только предположить, что прежде, чѣмъ основаться на одномъ мѣстѣ, Посошковъ много поѣздилъ по Россіи, посмотрѣлъ, гдѣ можно успѣшнѣе повести дѣло, послужилъ, быть можетъ, въ такъ называемыхъ „вѣрныхъ цѣловальникахъ и сборщикахъ“ по виннымъ дѣламъ и наконецъ занялся заводомъ.

Его знакомство съ положеніемъ виннаго дѣла, разъѣзды для преслѣдованія корчемства оставили въ Посошковѣ обширнѣйшій запасъ наблюденій отечества, который встрѣчается въ его сочиненіяхъ. Но его наблюденія были не безплодны и дѣйствительными результатами, способности напрягались не попустому. „Не туне была моя ѣзда, пишетъ Посошковъ: сыскалъ я самородную сѣру, самую чистую, что подобна каменю янтарю и во всей вселенной толико ея нѣтъ, колико у насъ“.

II.

Какъ истинно русскій человѣкъ, для котораго благо родины выше всѣхъ остальныхъ, Посошковъ о своемъ открытіи сообщилъ одному изъ близкихъ царю Петру людей, кн. Б. А. Голицыну. Побужденія свои Посошковъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „если бы я за собою (сѣру) года 2—3 поудержалъ, тобъ великіе пожитки отъ нея нажилъ. Оставя наживу, объ-

явилъ ее того ради, что увидѣлъ въ ней такую нужду, что уже по домамъ собирали не то что фунтами, но и золотниковъ 5—6 сыщется, брали на пороховое дѣло". Цѣль ясна: сердце русское забилось любовію къ отечеству, когда почувствовало, что можетъ быть ему полезнымъ, стремленіе къ личной выгодѣ было подавлено. За свое открытіе Посошковъ получилъ въ награду 50 рублей, сумму по времени хотя и не очень большую, но и не малую, если принять въ соображеніе истощеніе казны и высокую цѣну денегъ въ данное время, когда съ маленькихъ городовъ получалось доходовъ не много болѣе этого числа въ годъ. Посошкову могли быть предоставлены и другія льготы, которыя ему, какъ торговому человѣку, были дороги. Впослѣдствіи Посошковъ, испытавши много огорченій, подъ ихъ впечатлѣніемъ писалъ: „я за такое дѣло великое и ни чѣмъ не взысканъ, *слава Богу, что военное дѣло управилось*". Здѣсь, конечно, чувствуется недовольство человѣка, но одновременно и сознаніе, что его дѣло сдѣлано и принесло пользу родинѣ: русскій человѣкъ виденъ здѣсь на распашку. Когда была сдѣлана находка Посошковымъ сѣры, свѣдѣній нѣтъ. Изъ его замѣтокъ, писанныхъ гораздо позже открытія, чувствуется только, что оно было въ то время очень кстати, что въ воздухѣ давно уже „пахло порохомъ", что желѣзная воля Великаго Петра уже безстрашно начала вести государственный руль ко славѣ отечества.

Около 1693—94 гг. Посошковъ состоялъ на службѣ въ мастерахъ Московской Оружейной Палаты, отсюда, вѣроятно какъ знатокъ своего дѣла, онъ былъ приглашенъ строителемъ Московскаго Андреевскаго мона-

стыря Авраміемъ для работы какого-то образцоваго станка. Монашество въ данное время было однимъ изъ образованнѣйшихъ слоевъ русскаго общества, а потому любознательный Посошковъ съ большою охотою посѣщалъ келіи строителя, гдѣ собирались и знакомые послѣдняго. Аврамію, какъ видно, многое не нравилось въ начинавшейся дѣятельности молодого Петра, не нравились такъ называемые Кожуховскіе походы, или примѣрныя сраженія, въ которыхъ царь принималъ самое горячее участіе. Аврамію, вѣроятно, казалось болѣе по сердцу то величіе и въ то же время простота, которыя онъ видѣлъ въ „тишайшемъ“ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, когда тотъ во всемъ блескѣ царской власти шествовалъ въ церковныхъ и иныхъ событіяхъ. Какъ бы то ни было, но Аврамій отъ разговоровъ у себя съ знакомыми перешелъ къ дѣлу, и свои размышленія осмѣлился послать самому государю. Аврамія забрали, конечно, въ Преображенскій приказъ, по разсмотрѣніи дѣла отправили въ ссылку, кое-кому изъ его знакомыхъ учинили наказаніе. Посошковъ также былъ по этому дѣлу взятъ, но оправданъ вполнѣ. Однако, самое уже привлеченіе Посошкова къ суду страшнаго Преображенскаго приказа, по нашему убѣжденію, послужило сильнымъ средствомъ, такъ сказать какъ бы невольнымъ пятномъ противъ почтенной дѣятельности замѣчательнаго русскаго человѣка, которымъ очевидно впослѣдствіи воспользовались его враги, когда Великій Петръ отошелъ въ вѣчность. Грубы были человѣческіе нравы въ то время вездѣ и не только у насъ въ Россіи, но въ иностранныхъ государствахъ; намъ конечно трудно представить вполнѣ *нравственныя чувства предковъ*: такъ ли они стра-

дали, какъ чувствуемъ страданіе мы теперь, или съ грубостью нравовъ и сами они были болѣе грубы, болѣе спокойно воспринимали страданіе, и тогда ихъ суды съ пытками болѣе отвѣчали дѣйствительности,— рѣшить не беремся; но теперь уголовныя дѣла 17 и 18 столѣтій возбуждаютъ, по крайней мѣрѣ, въ насъ такое чувство, которое одинъ изъ изслѣдователей родной старины удачно назвалъ „тяжелою памятью прошлаго“; можетъ быть, всѣ пытки для своего времени были неизбѣжны, но для нашего сознанія онѣ дѣйствительно тяжелы.

Вскорѣ послѣ Авраамійскаго дѣла Посошкова заняла мысль устроить „рогатки съ огненнымъ боемъ“, которыя должны бы принести большую пользу войскамъ для защиты отъ непріятелей. Вѣроятно уже знакомый заочно молодому царю по открытію сѣры, о чемъ своевременно князь Голицынъ не могъ не донести государю, а можетъ быть и по дошедшему слуху о намѣреніи изобрѣсть новое военное приспособленіе, Посошковъ былъ представленъ въ началѣ 1697 г. въ Преображенскомъ „на сержантскомъ дворѣ“ самому государю. И вотъ уже 200 лѣтъ протекло съ той поры, когда великій государь, всю жизнь свою положившій въ заботы о преуспѣяніи отечества, государь писавшій: „А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жива бы только была Россія во славѣ и благоденствіи“, а съ другой стороны одинъ червь изъ среды великаго русскаго народа, крестьянинъ употребившій всю силу воли, чтобы доказать, на что этотъ народъ способенъ, 200 лѣтъ протекло, когда произошла встрѣча. Оба *любили* горячо родину, ради этой любви съ разныхъ сторонъ хотѣли сдѣлать доброе. Государь—

поставить ее на такую высоту величія, на которой онъ представлялъ сосѣднія государства, сдѣлать по возможности скоро все, чтобы видѣть плоды своей работы, пригласить учителей иностранныхъ для того, чтобы русскіе на дѣлѣ стали наравнѣ съ своими учителями; Посошковъ же видѣлъ только свою родину, своею неустанною дѣятельностію онъ какъ бы хотѣлъ доказать, что именно въ ней, въ такой кипучей дѣятельности, задача русскаго человѣка, что если бы онъ стряхнулъ свою вѣковую лѣнь, сдѣлавъ то же, что самъ Посошковъ, тогда бы отечество процвѣтало трудами и предпріимчивостью самихъ русскихъ. Онъ хотѣлъ въ узкомъ кругу, своими средствами помочь родинѣ, и по своему былъ правъ.

Великій государь, какъ видно, оцѣнилъ по достоинству Посошкова, потому что удостоилъ его при свиданіи своей довѣренности, выразивъ ему желаніе „сдѣлать рогатки огнестрѣльныя“, какъ мы уже сказали въ началѣ очерка. Поощренный вниманіемъ государя, Посошковъ въ 1701 году и представилъ боярину Ѳ. А. Головину образецъ желанной рогатки, но дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ ея мы уже не встрѣчаемъ.

III.

На глазахъ Посошкова пронеслось то скорбное событіе въ средѣ русскаго народа, которое называютъ расколомъ. Въ зрѣлыхъ уже лѣтахъ Посошковъ былъ свидѣтелемъ движенія, поднятаго Никитою Пусто-

святомъ, засталъ еще патріарха Никона, который для современниковъ не переставалъ быть предметомъ вниманія и разговоровъ. По своей дѣятельности содержателя виннаго завода, Иванъ Тихоновичъ много ѣздилъ по Россіи и наблюдалъ жизнь тѣхъ отщепенцевъ русскаго общества, которые получили прозвище старовѣровъ. Живя на своемъ заводѣ въ Лихвинскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, Посошковъ имѣлъ всѣ данныя наблюдать за положеніемъ раскола въ такомъ его центрѣ, который подъ именемъ „Брянскихъ лѣсовъ“ былъ расположенъ въ той же Калужской губерніи. Какъ извѣстно, одно изъ сочиненій Св. Димитрія Ростовскаго, направленное для исправленія заблужденій отпавшихъ православныхъ, названо „Розыскомъ о раскольничей *Брынской* вѣрѣ“. Слѣдовательно, Посошковъ жилъ въ одной изъ видныхъ мѣстностей, населенныхъ старообрядцами, имѣлъ съ ними сношенія. Есть извѣстіе, которое нуждается въ подтвержденіи, что даже родная сестра и свояк Посошкова принадлежали къ расколу, но это же извѣстіе любопытно по указанію, что въ семьѣ Посошкова не безучастно относились къ дѣламъ церкви. Въ своемъ сочиненіи Иванъ Тихоновичъ сознается, что онъ самъ „изначала хромахъ недугомъ раскольничи болѣзни“, что его „учили креститься тремя персты, а то стали учить снова двумя персты креститься“. При такомъ искреннемъ сознаніи Посошкова можно положительно удивляться, что его природный умъ и стремленіе къ истинѣ не только вывели его на правый путь православія, но сдѣлали его виднымъ поборникомъ церкви наравнѣ съ многими знаменитыми обличителями раскола.

Въ сочиненіяхъ Посошкова встрѣчается указаніе,

какъ его занималъ вопросъ о расколѣ: „Страшно есть всѣмъ намъ, въ мірѣ живущимъ, еже не пещися о спасеніи погибающихъ человѣкъ, наипаче же о подъятіи падшаго человѣка въ ересь какую или расколъ“. Какъ истинный православный, желавшій величія отечеству, Посошковъ съ горестію видѣлъ, что раздѣленіе въ вѣрѣ служитъ средствомъ къ внутреннему ослабленію родины. Какъ натура непосредственная, Иванъ Тихоновичъ не могъ оставаться безучастнымъ и тотчасъ же перешелъ отъ слова къ дѣлу. Онъ „много разглагольствовалъ съ именитыми учителями раскола“, бывалъ на раскольничьихъ сонмищахъ“. Тѣ ему дѣлали такія предложенія: „Буде хочешь въ рай, пристань къ намъ“. Онъ много бесѣдовалъ съ разными раскольничьими наставниками, одинъ изъ нихъ Кузьма Ксенофонтовъ убѣждалъ его пристать къ нимъ, а потомъ, какъ говоритъ Посошковъ, онъ на меня „осердился и азъ на него, не сотворилъ онъ лова во мнѣ, умъ мой не омрачился, но добръ бысть, и тако розыдохомся“. Въ Патріаршей книгохранильницѣ и на Печатномъ дворѣ Посошковъ сравнивалъ новыя книги съ древними, „обличалъ старовѣровъ о несмысленныхъ ихъ глаголахъ; являлъ имъ, поелику самъ могъ, истинное ученіе“. „Азъ всячески увѣщавахъ, дабы со мною о большихъ вещахъ поглаголати, но никто не пришелъ ко мнѣ, и всѣ лжеучители пересташа ко мнѣ ходити и своей прелести мя учити“. Посылалъ онъ къ нимъ и вопросительныя письма, остававшіяся однако безъ отвѣтовъ.

Цѣлые десятки лѣтъ Иванъ Тихоновичъ напрягалъ свой умъ надъ вопросомъ, который тяжелымъ кошмаромъ волновалъ русскихъ людей въ концѣ 17 и началѣ 18 столѣтія, видѣлъ, по его словамъ, „правду

опровержену и попрану", чувствовалъ, что вопрѳсъ этотъ чрезвычайно важенъ для будущаго, и вотъ въ 1709 году онъ окончилъ по сему предмету свои размышленія, которымъ посвятилъ много времени и труда; въ нихъ онъ передалъ, что „своимъ подлымъ ухомъ слышалъ и своимъ подлымъ окомъ видѣлъ; моленіемъ умоляетъ онъ всѣхъ хотящихъ спастися, не возгнушатися, но съ любовію прочитати его трудъ, такъ какъ онъ не отъ самохвалія своего, а отъ любви Божіи начахъ сіе изъявленіе". Разсужденія Посошкова касались какъ заблужденій раскола, такъ и ученій „люторскихъ", которыя, къ сожалѣнію, также начали ходить въ нѣкоторыхъ болѣе образованныхъ кружкахъ. Посошковъ рѣшился въ трудѣ своемъ разбить оба вредныя направленія, онъ обсуждаетъ всѣ главныя отклоненія въ обоихъ заблужденіяхъ, опровергаетъ ихъ словами Священнаго писанія, а въ отношеніи старообрядцевъ колетъ ихъ тѣми древними книгами и рукописями, которыя они сами признаютъ за правыя. Причину раскола онъ видитъ въ вѣровомъ (религіозномъ) невѣжествѣ и неразумномъ упрямствѣ народа. Средствомъ же прежде всего считаетъ распространеніе просвѣщенія какъ въ средѣ раскольниковъ, такъ и православныхъ. „Господа ради, говоритъ онъ, отложите свое сомнѣніе и отдайте безъ замедленія своихъ дѣтокъ къ грамматическому ученію; егда они единой токмо грамматикѣ научатся, то въ васъ свѣтъ книжнаго разумѣнія возсіяетъ. Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ почесому были велики и славны?—Явѣ есть, яко книжныя премудрости въ достатокъ научилися. Если кто не повелитъ вамъ дѣтей въ науку отдавати, то прогоните того человѣка отъ

себя, яко пса, понеже отъ тьмы пришелъ и отъ самого сатаны, внутри себя адскую тьму имѣетъ и васъ въ ту же тьму совлещи хочетъ".

Но въ то же время Посошковъ, какъ видно, мало вѣрилъ въ миролюбіе раскольниковъ. Слишкомъ много, вѣроятно, онъ потерпѣлъ самъ отъ нихъ, слишкомъ колоссальнымъ въ его время представлялось ихъ закоренѣлое упрямство, слишкомъ грубо и жестоко они его выражали, если Посошковъ за всѣмъ тѣмъ не могъ отрѣшиться отъ совѣта въ употребленіи противъ старообрядцевъ самыхъ жестокихъ карательныхъ мѣръ. Намъ трудно стать на точку зрѣнія людей того вѣка, можно только думать, что страсти между православными и раскольниками разгорѣлись до того, что они забыли самую первую заповѣдь—любить ближняго. Справедливость требуетъ сказать, что Посошковъ въ этомъ отношеніи остался сыномъ вѣка и не сталъ выше современниковъ. „Огню и огню предать раскольниковъ!" слышится у него во многихъ мѣстахъ. Такъ, онъ совѣтуетъ старообрядцевъ выписать въ особую роспись и по разсмотрѣніи „жесточайшихъ огню предать", а которые стоятъ не твердо „ни такъ, ни сякъ и обѣщаются отъ прелести раскольничи покаятися, то, наказавъ, велѣть ихъ освободить и аще паки не обратятся, яко пси на свою блевотину, то предавай ихъ огню, да злый въ огнѣ погибнетъ". Дальше же предлагаетъ Посошковъ, если въ чьемъ домѣ объявятся старыя не новоисправныя книги, то велѣть хозяевамъ на себя трехперстное сложеніе дати, а „буде не учинитъ и не покается, то безъ всякія мѣшкоты велѣть его огню предать, а буде и жена его въ томъ расколѣ будетъ стоять, то и ее безъ

всякія жъ мѣшкоты огню предать же". Посошковъ свои совѣты оправдываетъ словами Писанія, что „не творящее плода добра древо повелѣно посѣкать и въ огнь вметати".

Относительно же другихъ заблужденій, начавшихъ вкрадываться въ среду образованнаго русскаго общества отъ иностранцевъ, въ видѣ лютеранства, кальвинизма, которыя Посошковымъ называются „иконоборными ересями", Иванъ Тихоновичъ, разсматривая всѣ лжеученія, начиная съ Арія и разоблачая ихъ, очень прозорливо предвидѣлъ то, что только теперь, въ наше время, начинаетъ, къ сожалѣнію, обнаруживаться, т.-е. что всѣ отклоненія отъ ученія Христа ведутъ къ безбожію. „Лихо было діаволу съ мѣста стронути, говоритъ онъ, а когда стронетъ, то уже и овладѣетъ имъ; се уже мнози изъ васъ начали въ безбожіе вступати, а мало-по-малу и всѣ *отеистами* (безбожниками) будете". Такимъ образомъ Посошковъ за 200 лѣтъ назадъ своимъ яснымъ умомъ предугадалъ то печальное явленіе, которое происходитъ нерѣдко на нашихъ глазахъ.

Свое сочиненіе Посошковъ назвалъ „Зеркаломъ очевиднымъ" и сообщилъ его справщикамъ Московскаго печатнаго двора, отцамъ Ѳеологу и Каріону, какъ видно, ученымъ грекамъ. Такъ какъ гражданской печати еще не существовало, то Московскій дворъ, печатавшій книги на церковно-славянскомъ языкѣ, былъ безспорно однимъ изъ главныхъ разсадниковъ знаній, а его „справщики" (вполнѣ замѣняютъ слово — „корректоры") обнимали своею дѣятельностью гораздо обширнѣйшій кругъ занятій, чѣмъ теперь. Отцы Ѳеологъ и Каріонъ были знакомы съ митрополитомъ Ростовскимъ Димитріемъ, впослѣдствіи причисленнымъ къ лику Святыхъ, какъ разъ въ то же время работав-

шимъ надъ составленіемъ своей извѣстной книги также о раскольникахъ. Книгу Посошкова „Зеркало очевидное“, безъ подписи Ивана Тихоновича, въ мартѣ 1709 г. справщики послали Ростовскому владыкѣ.

„Зеркало очевидное“ очень понравилось Преосвященному Димитрію. Онъ вернулъ ее Московскимъ справщикамъ съ слѣдующею замѣткою: „Книжицу безъименнаго творца, именуемую „Зеркало“, отъ честности твоей къ намъ присланную, выслушавъ и преписати повелѣвъ, возвращаю паки вашей честности. А книжица та воистину благопотребна, великое раскольникомъ обличеніе и постыжденіе. Прошу честности твоей возвѣстити мнѣ, кто тоя книжицы писецъ, живъ ли онъ, или умре? Аще живъ, стану къ нему писать; *аще же умре, стану его поминать*. Книжица достойна въ свѣтъ произвестися, токмо мало нѣчто мѣстами поисправити и пріочистити треба“.

Святого Димитрія Ростовскаго сильно занимало сочиненіе Посошкова, онъ еще разъ пишетъ о немъ къ справщику отцу Каріону: „дошла ли вашихъ рукъ книжица, глаголемая „Зеркало“. Просихъ и прошу, не утаите ми творца тоя книжицы. Кто писалъ *столь дивно*. Живъ ли онъ есть? Зѣло книжица та благопотребна правовѣрнымъ“.

Наконецъ, преосвященный узналъ Посошкова, но по письменнымъ или личнымъ сношеніямъ, неизвѣстно. Увѣряютъ, что Святитель написалъ слѣдующіе стихи къ этому сочиненію Посошкова:

„Мала книжица сія, но разумъ въ ней многій.
Малъ ларчикъ, но скарбъ въ себѣ хранитъ не убогій;
Та книжица раскольниковъ сильна побѣждати,
Вся же правовѣрныя пользы исполняти“.

Для труженика Посошкова вниманіе къ его сочиненію такого просвѣщеннаго и высоко-поставленнаго лица, какимъ былъ для современниковъ Святитель Димитрій Ростовскій, уважаемый за свои пастырскіе подвиги даже Великимъ Петромъ, такое вниманіе было, конечно высшей наградой, и мы радуемся отъ души за Ивана Тихоновича, что въ его бурной и тяжелой жизни были все-таки отрадныя минуты; живо представляемъ радость почтеннаго труженика, когда Московскіе справщики сообщали ему замѣчанія преосвященнаго на его книгу, въ которыхъ такъ и слышится чистая, великая душа Угодника. Но, къ сожалѣнію, сношенія Посошкова съ Ростовскимъ владыкою не могли быть долгими, такъ какъ преосвященный вскорѣ скончался, и Иванъ Тихоновичъ лишился въ немъ сильнаго защитника. Тѣмъ не менѣе такое безпристрастное отношеніе и одобреніе чужого труда со стороны Святителя, бывшаго авторомъ также противораскольническаго сочиненія подъ заглавіемъ „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, не могло не обратить вниманія на книгу Посошкова въ средѣ духовенства и монашества, и „Зеркало очевидное“ во многихъ спискахъ стало появляться въ библіотекахъ архіерейскихъ и монастырскихъ. А. А. Царевскій, написавшій отдѣльное изслѣдованіе о трудѣ Посошкова, помѣщенное въ „Православномъ Собесѣдникѣ Казанской Духовной Академіи“ за 1883 годъ, въ заключеніи говоритъ, что „Зеркало очевидное“ производитъ въ высшей степени отрадное впечатлѣніе: не много можетъ представить намъ допетровская литература произведеній, которыя по полнотѣ, богатству и вообще достоинствамъ могутъ стать съ нимъ рядомъ; если же принять во вниманіе про-

исхожденіе его отъ простого русскаго крестьянина, то сочиненіе это можно назвать почти безпримѣрнымъ явленіемъ въ исторіи русскаго просвѣщенія. Оно всегда будетъ имѣть научный интересъ, такъ какъ имѣло слишкомъ непосредственное и ближайшее отношеніе къ дѣйствительной жизни и служило отвѣтомъ на одинъ изъ жгучихъ вопросовъ одной изъ самыхъ интересныхъ въ исторіи Россіи эпохъ. Сочиненіе Посошкова останется драгоцѣннымъ памятникомъ, какъ совершенно самостоятельное, независимое отъ другихъ, произведеніе здраваго, самобытнаго русскаго ума и усердія".

IV.

Еще задолго до появленія „Зеркала очевиднаго", Посошковымъ была составлена „Записка о ратномъ поведеніи, какъ военное дѣло управить, чтобы на весь свѣтъ Русь славна была". Въ ней онъ, между прочимъ, говоритъ и о тѣхъ рогаткахъ для огненнаго боя, которыя сдѣлалъ для образца государю. Записка была подана Посошковымъ боярину Головину въ августѣ 1701 года: „Если узришь, что угодно, писалъ Посошковъ, то великому государю объяви отъ своего лица, о мнѣ же пожалуй умолчи, а что написавъ отъ недознанія и въ чемъ погрѣшилъ, пожалуй оставь".

Неподдѣльная скромность слышится въ словахъ Ивана Тихоновича; а между тѣмъ его предположенія о ратномъ устройствѣ были замѣчательны, по глубокому знанію русскаго человѣка и по вѣрно намѣченной мысли, которая стала осуществляться только теперь, т.-е. почти черезъ 200 лѣтъ. Посошковъ совѣтовалъ подготовлять къ войнѣ каждаго солдата въ одиночку, и хотя онъ въ этомъ отношеніи сходился въ мысляхъ съ Великимъ Преобразователемъ Россіи, указывавшимъ обращать особенное вниманіе на обученіе новобранца, ибо „при добрыхъ порядкахъ и храбрыхъ сердцахъ оружіе противъ непріятеля есть сильнѣйшая вещь“, но въ дѣйствительности при Петрѣ всѣ старанія начальниковъ отдѣльныхъ частей были направлены къ стрѣльбѣ шеренгами и общими залпами, а при неподготовленности каждаго солдата въ отдѣльности происходило то, что чуть не $^3/_4$ выстрѣловъ пропадали безслѣдно, и только знаменитое дѣйствіе „въ штыки“ блистательно поддерживало славу русскаго оружія. Не даромъ же, много лѣтъ спустя, великій Суворовъ говорилъ, что „пуля—дура, а штыкъ молодецъ“.

Только въ наше время, какъ въ военномъ, такъ и въ учебномъ дѣлѣ, обученіе личности стало выдвигаться на первый планъ, а между тѣмъ еще 200 лѣтъ назадъ русскій крестьянинъ возбуждалъ вопросъ объ одиночномъ обученіи, почему-то затерявшійся въ судьбахъ неизвѣстности. Въ этой же Запискѣ Посошковъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ на заводѣ боярина Льва Кирилловича, какъ иноземный инженеръ далъ мѣрку лить десятипудныхъ бомбъ, и тѣ, говоритъ Посошковъ, „бомбы вѣсть-ли годятся, потому что пущены вельми

стѣнисты и не чаю я всѣмъ имъ разрываться, а если ихъ разрывать не станетъ, то лучше ихъ на службу не возити и здѣсь бросить. И въ семъ, государь (обращается къ Головину Посошковъ), нужно поостеречися, нѣтъ ли какой прозяби отъ того инженера. И буде скажетъ, что отъ недознанія худо учинилъ, а не отъ хитрости, и то ему безчестіе, что въ дѣло вступаетъ—въ чемъ силы не знаетъ, а жалованье великое беретъ". Посошковъ указываетъ еще и на другую „прозябь" тоже иноземнаго инженера по земляным работамъ, и въ обоихъ случаяхъ его словамъ можно вѣрить вполнѣ, такъ какъ онъ, служа въ Оружейной палатѣ, являлся самъ знатокомъ дѣла.

Но въ той же „Запискѣ о ратномъ поведеніи" Посошковъ, ратуя вездѣ противъ иноземцевъ, обвиняетъ ихъ въ такомъ важномъ для жизни дѣлѣ, которое было введено въ Россіи съ согласія самого государя и которое въ настоящее время одинаково полезно и для внутренняго своего и для иностраннаго сношеній. Въ царствованіе Петра Великаго была образована такъ называемая „нѣмецкая почта", начавшая правильно доставлять отправленія въ извѣстные дни. Посошковъ не могъ предугадать, до какихъ размѣровъ разростется она впослѣдствіи и до какой степени явится насущною необходимостью. Онъ въ такихъ образныхъ выраженіяхъ говоритъ о ней: „Да пожаловали они (нѣмцы), прорубили изъ нашего государства во всѣ свои земли диру, что всѣ наши государственныя и промышленныя дѣла ясно зрятъ. Дира-жъ есть сія: сдѣлали почту, а что въ ней государю прибыли, Богъ-вѣсть, а колько гибели отъ той почты чинится, того и исчислить невозможно: что въ нашемъ государствѣ ни

сдѣлается, во всѣ государства разнесется; одни иностранцы отъ нея богатятся, а русскіе люди нищаютъ... Мнится мнѣ, — заканчиваетъ Посошковъ, — что лучше бъ та дира загородить накрѣпко; а буде мочно, то отставить ее вовсе. А не худо, чтобъ и ѣздокомъ заповѣди положить крѣпкая, чтобъ грамотокъ въ иныя земли безъ приказнаго свидѣтельства отсюда не возили. Такъ бы вѣсти никакія не разносились... И почты ради иноземцы торгуютъ издѣваючись, а русскіе люди жилы изъ себя изрываючи".

Около 1707 года Иванъ Тихоновичъ составилъ еще замѣчательную записку О просвѣщеніи Россіи ученіемъ; въ ней онъ повторилъ мысль, высказанную нѣкогда Борисомъ Годуновымъ основать въ Москвѣ, преимущественно для духовныхъ нуждъ, высшее учебное заведеніе, или университетъ. „Чтобы въ Москвѣ, писалъ Посошковъ, устроена была академія, всѣхъ наукъ исполненная, чтобы въ великой Россіи великая академія была, а собрать въ нее учителей благочестивыхъ, высокоученыхъ отъ различныхъ странъ". Какъ человѣкъ, на своемъ опытѣ видѣвшій всю пользу грамматики, Иванъ Тихоновичъ въ своемъ сочиненіи сильно ратовалъ объ открытіи во всѣхъ большихъ городахъ грамматическихъ школъ, считая, что эти школы будутъ приготовлять достойныхъ священниковъ: „Древнее у насъ обыкновеніе, писалъ Посошковъ, посвящаться въ пресвитерство изъ самаго простоумія; который своей головы инако прокормити не можетъ, той тщится въ пресвитеры. Аще сего стараго обыкновенія не измѣнить, то никогда намъ, Россіянамъ, добра не видать".

Посошковъ въ своей Запискѣ касается воспитанія дѣтей и говоритъ: „Не скаредное ль сіе есть дѣло,

яко еще младенецъ не научится, какъ и хлѣба называти, а родитиліе научаютъ его сквернословить и грѣхотворить, чѣмъ было младенца учить, какъ Бога назвать и указывать на небо съ реченіемъ, что тамъ Богъ... И посему явно, что отъ всего въ насъ всякое безуміе и безстрашіе рождается, что изъ младенчества намъ ученія душеполезнаго не бываетъ. Буде кой младенецъ въ грозѣ возрастетъ, той будетъ и на старости боязливъ. И сего ради вельми надобно потщатися, дабы отъ неразумѣнія люди Божіи напрасно не погибали". Посошковъ обращаетъ также вниманіе на поведеніе молящихся въ церкви и очень огорчается, что даже „въ церквахъ всякія сквернословія и непотребныя разглагольствованія бываютъ, другъ друга осуждаютъ и просмѣиваютъ". Онъ заботится также, чтобы священникъ научалъ своихъ прихожанъ сознательно относиться ко всѣмъ церковнымъ уставамъ. Онъ долженъ, напримѣръ, объяснить, говоритъ Посошковъ, „съ каковымъ намѣреніемъ свѣщу предъ икону поставлять: иконѣ ли той честь творя или самому изображенному на ней". Послѣ исповѣди, по словамъ Посошкова, священнику слѣдуетъ сказать прихожанину поученіе: аще убогъ, богатыхъ бы не поносилъ, но почиталъ бы ихъ, яко отъ Бога почтенныхъ; такожде и великочестныхъ почиталъ же бы и вездѣ бъ имъ давалъ мѣсто честнѣйшее, понеже всякая честь и начальство дается отъ Бога. А кіи суть убози или малочинни, и тѣми бъ не гнушался и принималъ бы ихъ яко братію и противъ ихъ поклона отдавъ бы поклонъ удобный, дабы той убогій о поклонѣ гордостномъ не оскорбился,—и во всемъ бы ихъ утѣшалъ".

Такъ какъ патріарха въ данное время не было, то

Посошковъ подалъ свое сочиненіе блюстителю патріаршаго престола, митрополиту Стефану Яворскому, и ему же представилъ еще двѣ записки о необходимыхъ мѣрахъ для укрѣпленія въ каждомъ православномъ обязанностей церковныхъ, семейныхъ и гражданскихъ, а также для борьбы съ старовѣрами. Въ неблагопріятное время представлены были Иваномъ Тихоновичемъ записки: патріаршество вскорѣ было уничтожено, образованъ Св. Синодъ, явились новые запросы, а все старое, въ томъ числѣ и записки Посошкова преданы забвенію; но намѣченныя Посошковымъ предположенія настолько были ясно поняты, что многія изъ нихъ въ видѣ закона были установлены самимъ Синодомъ въ самомъ началѣ его дѣятельности.

Насколько можно судить объ Иванѣ Тихоновичѣ, Посошковъ былъ кипучей натурой, жаждавшей постоянной дѣятельности. Все ему хотѣлось знать, во всемъ приложить свой трудъ. О многихъ его предпріятіяхъ, къ сожалѣнію нѣтъ свѣдѣній. Онъ самъ говоритъ, что у него „было вымысловъ пожиточныхъ *пять—шесть*, а покормиться мнѣ не дали, и всѣ мои *вымыслы пропали* ни за что“. Въ 1704 году онъ задумалъ завести фабрику игральныхъ картъ. Изображеніе послѣднихъ казалось Посошкову въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неприличными, такъ ему представлялись въ „трефовыхъ маркахъ, вмѣсто желудей дубовыхъ, крестовидные знаки“. Иванъ Тихоновичъ просилъ не безызвѣстнаго въ царствованіе Петра прибыльщика Курбатова отдавать ему на откупъ дѣлать карты, обѣщалъ давать казнѣ доходу до 2000 руб. въ годъ, представилъ образцовыя карты. „Онъ, писалъ Курбатовъ про Посошкова, *вырѣзалъ* ихъ родъ образца *на деревѣ*, а если повелѣно будетъ,

то *вырѣзывать* станетъ *на оловѣ* и будутъ де чистотою много лучше". О предпріятіи Посошкова Курбатовымъ было донесено князю Меншикову, но дѣло почему-то не состоялось. Есть извѣстіе, что на обзаведеніе Посошкову выдали 200 рублей, но насколько оно вѣрно, рѣшить не беремся. Намъ кажется страннымъ, что за открытіе сѣры Иванъ Тихоновичъ получилъ вознагражденія 50 р., а за несостоявшееся дѣло—200 руб.: въ цыфрахъ какое-то недоразумѣніе.

V.

Въ непрерывныхъ передвиженіяхъ протекала жизнь Посошкова, всякій жгучій общественный вопросъ возбуждалъ его вниманіе, на разработку его онъ немедленно откликался, трудился для пользы родины— и въ то же время, какъ ни странно, свою собственную жизнь никакъ не могъ устроить по желанію, не могъ свить насиженнаго гнѣздышка, а между тѣмъ у него была семья, о точной численности которой нѣтъ данныхъ. Ивану Тихоновичу было уже 45 лѣтъ, когда онъ обратился съ ходатайствомъ объ опредѣленіи его на казенное мѣсто къ знакомому ему водочному дѣлу въ новой С.-Петербургской губерніи. Это было въ 1708 году.

Намъ въ особенности любопытно, что Посошковъ избралъ для службы Петербургъ: здѣсь его личность обрисовывается вполнѣ. Посошковъ хотѣлъ приложить старанія въ новой мѣстности, его натура, несмотря на

годы, жаждала новой, и новой дѣятельности, хотя коренные устои его взглядовъ, какъ можно было видѣть изъ предыдущаго, покоились на глубокомъ родствѣ съ прошлыми судьбами родины. Опредѣленіе Посошкова въ Петербургъ почему-то однако не было утверждено княземъ А. Д. Меншиковымъ, который, какъ говорится въ одномъ свидѣтельствѣ, сдѣлалъ объ Иванѣ Тихоновичѣ неодобрительный отзывъ.

Вѣчно ли живущее чувство зависти заставило отклонить переводъ Посошкова въ Петербургъ, ближе къ Великому Петру, который, какъ извѣстно, выбиралъ сотрудниковъ изъ людей всѣхъ сословій, разъ замѣчалъ ихъ способности и готовность исполнять его предначертанія, другія ли какія-либо причины вынуждали къ тому „свѣтлѣйшаго князя“, но неудовольствіе такого сильнаго человѣка, какъ Меншиковъ, было слишкомъ важно для дальнѣйшей дѣятельности Посошкова и, кромѣ привлеченія его нѣкогда къ дѣлу строителя Авраамія въ страшномъ Преображенскомъ приказѣ, безъ сомнѣнія, содѣйствовало роковому концу жизни Ивана Тихоновича. Можетъ быть, Посошковъ зналъ что-нибудь о князѣ изъ его прошлой жизни или о происхожденіи его, которое, какъ извѣстно, было загадочнымъ.

Однако, несмотря на неудовольствіе князя, въ слѣдующемъ 1709 году Посошковъ былъ опредѣленъ къ тому же водочному дѣлу на казенное мѣсто въ Великомъ Новгородѣ и здѣсь уже прожилъ почти до самой смерти. Хотя Новгородъ и много потерялъ отъ страшныхъ погромовъ Грознаго царя въ своемъ торговомъ значеніи, но все еще былъ значительнымъ городомъ, не утратившимъ вполнѣ прежней жизни. Кромѣ ка-

зенной службы по водочному дѣлу, Иванъ Тихоновичъ занимался здѣсь торговлею, доставлялъ въ свой городъ изъ Петербурга разную провизію, кружева нитяныя и „нѣмецкія бѣлыя“, „запонки новоманерныя“. Благосостояніе Посошкова годъ за годомъ росло. Онъ купилъ въ Новгородѣ 2 двора (т.-е. землю подъ домами застроенную и незастроенную), за 200 рублей. Очевидно для его торговыхъ дѣлъ необходима была стоянка въ Петербургѣ, такъ какъ и здѣсь Иванъ Тихоновичъ также пріобрѣлъ домъ, на С.-Петербургскомъ островѣ, въ приходѣ церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, за 400 рублей, и, что очень странно—у подьячихъ князя Меншикова Ждановыхъ. Опять князь Меншиковъ—точно между нимъ и Посошковымъ существовала какая-то невыясненная исторіей связь.

Дальше, Иваномъ Тихоновичемъ были пріобрѣтены недвижимыя имѣнія (съ крестьянами) въ Кашинскомъ уѣздѣ сельцо Марьино, а въ Новгородскомъ—полдеревни Закарасенья и деревня Матвѣева. Въ послѣднихъ Посошковъ устроилъ свой винный заводъ и отсюда ставилъ вино на Новгородскій казенный дворъ; ему же были отданы на откупъ мѣстные таможенные сборы съ разныхъ питей, при умѣломъ веденіи дававшіе хорошій доходъ.

Но устройство своего виннаго завода въ купленныхъ Иваномъ Тихоновичемъ деревняхъ не обошлось безъ огорченія. Кн. Д. М. Голицынъ, которому Посошковымъ была подана просьба о разрѣшеніи завода, почему-то посадилъ его подъ караулъ. „И сидѣлъ я цѣлую недѣлю, разсказываетъ Посошковъ, и стало мнѣ скучно быть, что сижу долго, а за что, не знаю.

Въ заговѣнье Госпожинское велѣлъ уряднику доложить о себѣ, и князь сказалъ: „Давно ль подъ карауломъ сидитъ?“ А урядникъ сказалъ—уже цѣлую недѣлю. И тотчасъ велѣлъ меня выпустить. И я, кажется, не послѣдній человѣкъ, и онъ, князь, меня знаетъ, а просидѣлъ недѣлю ни за что“. Изъ найденной нами челобитной жены Ивана Тихоновича видно, что онъ являлся также мастеромъ „фонтановъ“, устройство которыхъ въ то время также говоритъ о недюжинномъ умѣ Посошкова.

Кромѣ успѣха въ Новгородѣ въ торговыхъ дѣлахъ, Посошкова привязывало здѣсь и другое обстоятельство, которое шло рядомъ съ его практической дѣятельностію: въ Новгородѣ при архіерейскомъ домѣ была Славяно-греческая школа, и любознательный Посошковъ постарался, конечно, какъ можно ближе, стать къ этому заведенію, а черезъ то познакомиться съ новгородскимъ митрополитомъ Іовомъ. Сношенія Ивана Тихоновича съ покойнымъ Святителемъ Димитріемъ Ростовскимъ были еще свѣжи въ памяти; Иванъ Тихоновичъ, какъ видно, сталъ въ подобныя же отношенія и къ новгородскому владыкѣ, который „много разглагольствовалъ съ нимъ о разныхъ предметахъ“. Митрополитъ Іовъ даже обращался съ просьбами за Посошкова о какихъ-то его дѣлахъ къ петербургскому вице-губернатору Корсакову и къ такому высокопоставленному лицу, какъ сенатору князю Я. Ѳ. Долгорукому, любимому Петромъ за его прямоту.

Любовь къ сочиненіямъ также не оставляла Ивана Тихоновича въ Новгородѣ, а, быть можетъ, благодаря присутствію школы и знакомству съ митрополитомъ еще усилилась, потому что въ Новгородѣ имъ были

написаны два труда, болѣе другихъ замѣчательные. Свои побужденія къ составленію сочиненій Посошковъ объясняетъ желаніемъ „предать писанію то, что ему отъ богомыслія и книжнаго прочитанія пріидетъ въ разумъ, изъ чего можетъ быть *польза людямъ*“.

VI.

Первое изъ своихъ сочиненій Иванъ Тихоновичъ назвалъ „Отеческимъ завѣщаніемъ къ сыну“, и хотя въ немъ Посошковъ постоянно обращается къ послѣднему, но несомнѣнно, что въ „Завѣщаніи“ онъ хотѣлъ высказать свои взгляды вообще на тѣ предметы, которые озаглавлены въ трудѣ: отроческое житіе, брачное управленіе, мірское житіе, моленіе и молитва, гражданское житіе, приказные порядки, священство, монашество и пр. Завѣщаніе къ сыну было написано послѣ 1709 года. Въ это время Посошковъ былъ уже извѣстенъ великому государю, такъ какъ сынъ его, по повелѣнію Петра Великаго, посылался для обученія за границу, что видно изъ слѣдующаго предисловія къ Завѣщанію: „Въ прошломъ 1708 году державною властію Великаго нашего государя посланъ ты, любезный и точію мой едине сыне и наслѣдниче во Уропскія (Европскія) страны ради обученія, въ какихъ дѣлахъ и наукахъ, о томъ повелѣніемъ Самодержца еще прежде твоего отпуску тебѣ сказано“.

Иванъ Тихоновичъ въ такихъ словахъ выражаетъ цѣль составленія „Отеческаго завѣщательнаго поученія“: „Яко азъ союзомъ естественнаго родительскаго сожалѣнія зря тя, яко суща плоть отъ плоти и кровь отъ крови моея, аще въ лѣтѣхъ юныхъ, хощу отъ могущихъ случиться тебѣ муковыхъ прелестей и подлоговъ непристойныхъ тя предварити, яко да всякое зло отвратиши и во благихъ поучатися потщишися. На время вижу отъ очей моихъ тя отлучна; о спасеніи же твоемъ временномъ, паче же вѣчномъ, имѣю попеченіе. И сыне мой! егда отъ сердца происшедшія вѣрныя завѣщанія почасту будеши прочитати, да тѣмъ Господу Богу, Государю, также и намъ родителемъ твоимъ угодныя сотвориши“. Дальше Посошковъ говоритъ своему сыну, чѣмъ „украсить душу“. „Подобіе Божіе въ человѣческой душѣ се суть: правда, любовь, милосердіе, незлобіе, кротость, чистота душевныя добродѣтели“; потомъ оговаривается: „азъ родитель тебѣ дахъ точію тѣло, а не душу, ея же сотворитель есть Господь, иже отецъ духовъ нарицается на небесехъ, идѣ же отечество наше, отнюду же по безсмертію души вси человѣцы начало имѣютъ: есмы на землѣ странницы и временные пришельцы—тѣло бо землено есть, а человѣкъ нѣсть тѣло, но душа въ тѣлѣ“. Иванъ Тихоновичъ, какъ заботливый отецъ, всюду по пятамъ идетъ за сыномъ, какъ ему встать, учиться, проводить праздники, принимать гостей, вести свое хозяйство. Въ послѣднемъ случаѣ онъ убѣдительно совѣтуетъ сыну, чтобы его приходъ всегда больше расходу былъ и имѣлъ остатокъ, „безъ трудныхъ и безчестныхъ долговъ“—подтверждаетъ онъ. Всѣ эти наставленія онъ сводитъ къ тому, чтобы сынъ: „аще можно отъ преизлишняго рас-

ходу сберечись, нашелъ способъ нѣчто убогимъ подати: тогда просвѣтится свѣтъ твой, — говоритъ Посошковъ, *дивенъ будеши иноземцамъ* и великую милость Господню къ себѣ привлечешь".

Свои наставленія сыну Иванъ Тихоновичъ располагаетъ въ 9 главахъ, послѣдовательно ведетъ его отъ отрочества къ брачной жизни, къ обязанностямъ отца и мужа и наконецъ, какъ полноправнаго члена общества „въ гражданскомъ житіи". Даетъ совѣты на тотъ случай, если бы сынъ сдѣлался подьячимъ, судьею, священникомъ, монахомъ и даже архіереемъ. Во многомъ Посошковъ намѣчаетъ тѣ же мысли, которыя съ большею полнотою и съ такою силою изложилъ впослѣдствіи въ книгѣ „О скудости и богатствѣ", многое же передаетъ въ самостоятельномъ видѣ. Особенно любопытны взгляды Ивана Тихоновича въ отношеніи женщинъ, они дышатъ такою убѣжденною цѣломудренностью и желаніемъ чистоты въ человѣческихъ союзахъ, что будутъ живы во всякое время. „Отрочатъ юныхъ и пакостливыхъ, говоритъ онъ, блюдися и ничѣмъ съ ними не сообщайся, и къ пѣснямъ ихъ не приставай, да не увязнеши въ сѣтяхъ ихъ, понеже у діавола первая и главная уда на уловленіе—женскія перси и похотное съ ними цѣлованіе, а потомъ онъ приводитъ и въ совершенный блудъ. И того ради, продолжаетъ Посошковъ,—съ дѣвицами и съ женами отнюдь съ прижиманіемъ плотнымъ не цѣлуйся, и аще кая прижавъ тя поцѣлуетъ, то ты бѣги отъ нея, яко отъ ядовитаго змія, дабы не прельстила тебя на блудъ... Аще же въ совершенный возрастъ еще и не приспѣеши, а начнетъ въ тебѣ возжигаться пламень похотѣнія блуднаго, то ты немедленно оженись законнымъ

бракомъ, дабы тебѣ въ беззаконіе не впасти и чистоты бы своея тѣлесныя осквернениемъ блуда не погубити,— о семъ бо Святой апостолъ Павелъ ясно глаголетъ, яко лучше есть жениться, нежели разжигатися... Красоты преизлишнія не ищи въ невѣстѣ, совѣтуетъ сыну Посошковъ, да введеши ея красотою иныхъ человѣковъ въ соблазнъ, а аще будешь искать красоты духовныя, т.-е. смиренія и страха Божія, и аще еще получиши тѣлесную красоту, то вѣдь, яко воля Божія, и не опасайся пояти ю, если и вельми прекрасна будетъ... Сарра, Ревека, Рахиль, Юдиѳь—жены благообразны и благонравны. По женитьбѣ же своей, Посошковъ внушаетъ сыну во всякомъ дѣлѣ „употреблять съ женой совѣтъ, яко отъ помощницы, и безъ совѣта ничего не твори, аще же кто будетъ жену ничтожить и претворять въ рабій образъ, и той будетъ Богу противно чинити: Богъ ее нарекъ помощницею, а не работницею... И сего ради, — говоритъ Посошковъ, — аще у кого случится жена и малосмысленна, ради повиновенія словесемъ Божіимъ, подобаетъ и съ нею совѣтовати! И аще она отъ недостатка ума и не дастъ совѣта здраваго, то Богъ, видя того человѣка снижение и глаголу Божіему повиновеніе, откроетъ ему самому, яко открылись ему".

Съ твердостію отецъ совѣтуетъ держаться православія: „въ коемъ еси законѣ родился, въ томъ и пребывай до кончины житія своего и сего ради буди въ вѣрѣ неподвиженъ, стой яко мраморный столбъ, на недвижимымъ камени утвержденный... Заклинаю всѣми своими силами,—продолжаетъ Посошковъ, — держися святыя восточныя Церкви, яко родшія тя матери. А отца своего духовнаго почитай паче родившаго тя отца,

яко бо душа честнѣе плоти, тако и отецъ духовный честнѣе плотского есть". Иванъ Тихоновичъ внушаетъ сыну, какъ держать себя въ церкви: „О стѣны не опирайся, но самъ себѣ стой, яко твердый столбъ, и ногъ своихъ не оттопыривай, нога за ногу не закладывай, стой прямо и кротко, яко передъ царемъ со страхомъ". Во время ектеніи за усопшихъ въ обѣдню онъ совѣтуетъ „помянуть преставившихся дѣдовъ и бабокъ и прочихъ своихъ сродниковъ и доброхотовъ, ихъ же хощеши. А по смерти нашей,—прибавляетъ Посошковъ,—и насъ не забывай и по поклону полагай за насъ".

Какъ истинно вѣрующій человѣкъ, Посошковъ оставляетъ завѣтъ своему сыну не вѣрить ни въ какія примѣты: „Аще, сыне мой, найдетъ на тя какая бѣда или болѣзнь тяжка, не моги призвати къ себѣ какого колдуна или шептуна, діавольскою силою помогающаго... чтобы не быти самому пищею діаволу. И ни въ какія встрѣчи не вѣрь, Господа ради, о семъ самъ Господь запретилъ намъ еще издревле, и во иныя никакія примѣты не вѣрь—вся бо суть въ руцѣ Божіей—Онъ можетъ и зло въ добро превратити". Любопытно отношеніе Ивана Тихоновича къ лѣченію болѣзней;—въ его взглядахъ, далеко идущихъ впередъ своихъ современниковъ, слышится просвѣщенный образованіемъ голосъ нашего вѣка: „Аще скорбію каковою заскорбиши,—говоритъ онъ,—ничто же сумняся врачуйся отъ добраго врача, кой лѣчитъ зеліемъ и быліемъ, понеже въ быліи лѣчебную силу Богъ положилъ. И врачуйся прежде расширеніемъ болѣзни, а аще лѣчитися не будеши, и та болѣзнь расширится въ тебѣ и умреши отъ нея, то ты самъ себѣ убойца будеши".

Отецъ въ особенности проситъ сына обратить вниманіе на людской порокъ—гордость. „Буди кротокъ и смиренъ,—говоритъ онъ, ни предъ кѣмъ не возносися, и аще младенецъ поклонится, и тому поклонъ отдай, а такого безумія отнюдь въ себѣ не имѣй, чтобы, не снявъ шапки, въ ней кланяться—не буди шапка твоя пригвождена къ главѣ твоей и смиреніе твори не того ради, дабы тебя люди хвалили, но отъ самыя истины. Ни какого человѣка дуракомъ не называй, но передъ всѣми себя смиряй, а возвыситься не моги, понеже гордымъ Богъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать. Живи, чадо мое, продолжаетъ Посошковъ,—въ страхѣ Божіи, никого не обижай, чужого ничего не желай, но буди доволенъ своимъ имѣніемъ. Безжелательный бо человѣкъ всегда веселъ бываетъ: аще у него много, аще и мало,—о всемъ радуется и Бога благодаритъ. Ты, чадо мое, пекися о помѣрномъ богатствѣ, а не о преизлишнемъ, токмо бы тебѣ съ домашними своими быти сыту“.

Какъ человѣкъ труда, неусыпно проводившій въ немъ всю свою жизнь до старости, Посошковъ постоянно твердитъ сыну о трудѣ, какъ о самомъ высшемъ стремленіи и прямой цѣли человѣческаго бытія: „Всегда самъ тщися въ работѣ быти, — говоритъ онъ, — а иной, какъ кто хочетъ. То вѣжды, еже отъ излишнія работы грѣха не наживеши, а отъ гулянья безъ грѣха не пробудеши. Отъ гулянья не только въ грѣхъ впадеши, но вѣчно себя погубиши, отъ праздности бо всякое зло случается и въ нищету входитъ, а люботрудные люди всегда въ безпечаліи пребываютъ — нѣсть бо въ свѣтѣ того утѣшнѣе, еже въ трудахъ забавлятися. О сыне любезный! — воскли-

цаетъ въ другомъ мѣстѣ Посошковъ, — буди добръ, *буди бдя на всякъ часъ*, дабы не погубити даннаго ти таланта и не праздну бы ти стати предъ Богомъ". Въ Царство небесное призовутся „всѣ труждающіеся и обремененные игоношеніями, — тѣ упокоятся. А лѣнивому рабу наслѣдія тамъ не будетъ, но таковыхъ повелѣлъ Господь ввергнути въ тьму кромѣшную--тамо будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ". Также убѣдительно предостерегаетъ Посошковъ сына отъ пьянства и лжи. „Всячески тщися, сыне мой, до пьяна не упиватися, а сіе бы *наипаче лучше*, дабы и *весьма его не касатися*, понеже пьянство не токмо здравіе, но и умъ повреждаетъ, всякое безчестіе наводитъ и въ самое убожество приводитъ... И лжи,— продолжаетъ онъ, ни малыя въ уста не влагай, ибо самъ Господь изъявилъ намъ, яко лжи начальникъ и отецъ діаволъ, и ты сыне у діавола ничесому не учись, вельми бойся лжи, дабы въ сыновство къ діаволу невдаватися, онъ кому не обѣщеваетъ, все лжетъ и обманываетъ".

VII.

Въ своемъ „Завѣщаніи сыну" Посошковъ даетъ указаніе относительно чтенія книгъ, которое, по моему мнѣнію, цѣнно для характеристики самого Ивана Тихоновича, несомнѣнно примѣнявшаго нѣкогда этотъ способъ для своего умственнаго развитія. „Егда буде-

ши, сынъ мой, читати книги, то читай ихъ не борзостно и съ прилежнымъ вниманіемъ. Держи при себѣ бумагу, и кая ти рѣчь нравится, записывай именно, въ какой книгѣ и въ какой главѣ, части и стиху, и къ чему она прилична. И егда случится съ кѣмъ слово отъ Божественнаго писанія, то ты по той запискѣ въ скоромъ часѣ обрящеши, и впредь тебѣ та записка вельми послужитъ: пользу бо великую себѣ и людемъ получиши отъ нея, и памятнѣе тебѣ будетъ. И никогда праздненъ не сиди: либо-какое художественное дѣло дѣлай, либо книги читай, либо псалмы или молитвы. Дальше въ главѣ „Объ иночествѣ“, на тотъ случай, если бы сыну пришлось поступить въ монашество, Иванъ Тихоновичъ еще подробнѣе развиваетъ свою мысль. „И между правила церковнаго и келейнаго праздненъ не сиди и времени живота своего напрасно не теряй и иными забавами не забавляйся, но всю свою забаву имѣй въ богомысліи, которую—въ книжномъ прочитаніи, третію же забаву имѣй утѣшную: что ти отъ богомыслія и книжнаго причитанія пріидетъ въ разумъ, изъ чего можетъ быть польза людемъ, предавай писанію, дабы отъ того твоего труда люди Божіи пользовалися“.

Наконецъ, Посошковъ касается такого предмета и такой отдаленной русской окраины, которая освѣтилась свѣтомъ Христова ученія только въ наше столѣтіе. „Есть у насъ позади Сибири,—пишетъ онъ,—новообрѣтенная земля, нарицаемая Камчатка, лежащая на самомъ востоцѣ близъ Китайскаго царства; живутъ тамъ люди, не знающіе ни Бога, ни людей; и хотящіе къ нимъ придти, въ полгодищное время и больше доходятъ, а народъ вельми великой. И аще туды по-

слать человѣкъ 5—6 (священниковъ), то чаю во единъ годъ вси крестятся, понеже не о чемъ имъ стоять и упрямитися — закона у нихъ никакого нѣтъ. А если увѣдаютъ о нихъ римляне, то они тотчасъ пошлютъ отъ себя и нашъ прибытокъ похитятъ напрасно. Всячески бо надобно потщатися, заключаетъ Посошковъ, дабы намъ сіе мѣсто захватити. Я мню не токмо духовнаго, но и вещественнаго богатства тамъ много".

До чего была глубока въ Посошковѣ благодарная память къ Святому Димитрію Ростовскому, видно изъ того, что при встрѣчѣ съ разными сомнѣніями онъ совѣтуетъ сыну „воззрити паче всего въ книгу „Розыскъ", юже сочинилъ блаженныя памяти преосвященный Димитрій, Ростовскій митрополитъ".

VIII.

Другимъ трудомъ Посошкова было то сочиненіе, которое до нѣкоторой степени послужило поводомъ къ обвиненію почтенной дѣятельности Ивана Тихоновича. Около 1724 года было окончено послѣднее сочиненіе Посошкова, которое онъ назвалъ „Книгой о скудости и богатствѣ, отъ чего приключается напрасная скудость и отъ чего гобзовитое богатство умножается". Три года сидѣлъ онъ за своимъ трудомъ, какъ видно изъ его оговорки: „Отъ многосуетій своихъ въ три лѣта ю совершихъ". Иванъ Тихоновичъ очень тужилъ, что у Великаго Преобразова-

теля Россіи въ его государственныхъ дѣлахъ не было „пособниковъ“. Мѣтко его замѣчаніе: „Откуда ни посмотришь, писалъ Посошковъ, нѣтъ у Великаго государя прямыхъ радѣтелей. Онъ на гору еще и самъдесятъ тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ, то како его дѣло споро будетъ?“ Конечно, подобное замѣчаніе о „птенцахъ“ Петра могло сильно вооружить ихъ противъ Посошкова, а свѣтлѣйшаго князя Меншикова, и безъ того преслѣдующаго его за что-то, въ особенности.

Между тѣмъ, Посошковъ своею „Книгою о скудости и богатствѣ“ хотѣлъ добиться „снисканія въ людяхъ правды; а когда *правда* въ насъ утвердится и твердо вкоренится, то не можно царству нашему Россійскому не богатитися и славою не возвыситися. Аще правда находится, и вси яко богатіи, тако и убозіи между собою *любовію* имутъ жить, понеже правда никого обидить не пускаетъ, а любовь принудитъ другъ другу въ нуждахъ помогати“.

Въ „Книгѣ о скудости и богатствѣ“ Иванъ Тихоновичъ коснулся почти всѣхъ сторонъ внутренней жизни Россіи, указывая недостатки и предлагая разумныя мѣры. Его книга, раздѣленная на 9 главъ, обнимаетъ слѣдующіе предметы: 1) Духовенство. 2) Воинскія дѣла. 3) Правосудіе. 4) Купечество. 5) Художества. 6) О разбойникахъ. 7) Крестьянство. 8) Дворяне, крестьяне и земляныя дѣла и 9) О царскомъ интересѣ.

И во всѣхъ этихъ вопросахъ мы слышимъ глубоко убѣжденный, сильный голосъ Посошкова, умудреннаго жизненнымъ опытомъ, много видѣвшаго, думавшаго и испытавшаго. На первомъ планѣ онъ, какъ и выше говорено,

желаетъ въ отношеніяхъ людей искренности и правды: „То бо есть царства украшеніе, говоритъ онъ, аще правда въ великихъ лицахъ, тако и въ мизирныхъ насадится и вкоренится, то вси яко богати, тако убозіи между собою *любовію* жить имутъ и по своему бытію въ богатствѣ довольны будутъ“. „Намъ нужно не парчами себя украшать, продолжаетъ онъ, но надлежить—добрымъ нравомъ и школьнымъ ученіемъ, христіанскою правдою, между истинною любовію и непоколебимымъ постоянствомъ въ вѣрѣ и во всѣхъ дѣлахъ“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Посошковъ совѣтуетъ каждому обратить вниманіе на свой образъ жизни, избѣгать праздности: „надобно, хлѣбъ ядши, дѣлать прибытокъ Богу и царю своему и всей братьѣ и себѣ, чтобы не уподобитися непотребному червію, иже въ тлю вся претворяетъ, а пользы ни малыя людямъ, кромѣ пакости, не содѣваетъ; есть такіе люди лежебоки, что живутъ своими домами и не хотя ни работать, ни торговать, милостыню собираютъ и даже дѣтей своихъ посылаютъ милостыни просить“. Дальше въ своемъ завѣщаніи сыну можно еще нагляднѣе видѣть, какъ Посошковъ не выноситъ праздности: „Дражайше ти совѣтую попеченіемъ родительскимъ ни единаго часа во тщетныхъ и непотребныхъ дѣлахъ или играхъ туне погубляти, разсуждая, что ничтоже есть драгоцѣннѣе времени, его же часть (по прошествіи) во вѣки уже не возвратится“. Ради сбереженія времени, Иванъ Тихоновичъ не много мѣста отводитъ и сну: „спати мню довлѣетъ еще не 7, то не больше 8 часовъ“.

Сильно Иванъ Тихоновичъ нападаетъ на пьянство: „я не знаю, что въ томъ благодати или добра, что много пить или до пьяна и людей поить. По моему

мнѣнію ради здравія тѣлеснаго полно человѣку чарки по три въ день выпить... А безмѣрное питіе ничего добраго не приноситъ, токмо ума порушеніе и здравія поврежденіе, пожитковъ лишеніе и безвременную смерть. Кто непремолчно будетъ пить безвоздерженна, то всего себя погубитъ. И того ради всячески надобно потщатися, како бы піянства изъ народа поубавить. Отъ питья люди въ великое оскудѣніе приходятъ". Очень много разсуждаетъ Иванъ Тихоновичъ о просвѣщеніи и впервые ставитъ вопросъ, до сихъ поръ не приведенный еще въ исполненіе, какъ обязательное обученіе всѣхъ грамотѣ, хотя бы и принудительное. „Паки не малая пакость крестьянамъ чинится, говоритъ онъ, и отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ... И видится, не худо бъ крестьянъ и *поневолить*, чтобъ они дѣтей своихъ, кои десяти лѣтъ и ниже, отдавали въ наученье грамоты дьячкамъ, а науча грамотѣ, учили бъ ихъ и писать. Я чаю, не худо бы было такъ *учинить*, чтобъ не было и въ малой деревнѣ безграмотнаго человѣка, и положить имъ *крѣпкое опредѣленіе*, чтобъ безотложно дѣтей своихъ отдавали учить грамотѣ, и *положить имъ срокъ* года на 3—4. А буде въ эти годы учить ихъ не будутъ, то какое ни есть положить на нихъ и страхованіе (т.-е. наказаніе или штрафъ). А егда грамотѣ и писать научатся, то и къ государевымъ дѣламъ угодны будутъ, никто уже ихъ не изобидитъ и ничего съ нихъ напрасно не возьметъ". Въ отношеніи же церковныхъ школъ Посошковъ совѣтуетъ набирать въ нихъ дѣтей духовнаго чина отъ 10-лѣтнихъ и даже до 25-лѣтнихъ; и буде которые отцы добромъ ихъ въ школы отпустить не похотятъ, то *брать бы ихъ и неволею* и учить грамматикѣ и всякаго книжнаго разума".

Не желая, однако, чтобы книжное обученіе вырабатывало въ человѣкѣ гордость, эту „мать пороковъ“, Посошковъ убѣждаетъ, что нѣтъ такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего и что далъ Богъ знать малосмысленному, того не далъ знать многосмысленному. И того ради „и самому премудрому человѣку не надлежитъ гордиться и умомъ своимъ возноситься, а малосмысленныхъ ничтожить не надлежитъ, но въ совѣтъ ихъ призывать надобно, понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки: овому далъ много, овому жъ менѣе... И того ради безъ многосовѣтія и безъ *вольнаго голоса* никоими дѣлы строити невозможно“.

IX.

Сильный наплывъ иностранцевъ въ царствованіе Великаго государя въ Россію, появленіе ихъ на всѣхъ отрасляхъ государственной службы и промышленности будилъ чуткое самолюбіе Посошкова по отношенію къ своимъ народнымъ силамъ. Онъ безпокоится, чтобъ ихъ преобладаніе не нанесло ущерба развитію русскихъ побѣговъ. Сознавая пользу отъ обученія иностранцевъ и относясь съ должнымъ уваженіемъ къ тѣмъ изъ нихъ, которые добросовѣстно заботились о своихъ обязанностяхъ, онъ съгоречью, вынесенною изъ собственнаго опыта, останавливается на дѣятельности другихъ,

пользующихся своимъ выгоднымъ положеніемъ менѣе безкорыстно. „Иноземцы всѣ пекутся, говоритъ онъ, не о томъ, чтобы *скорѣе* сдѣлать, но паче о томъ, какъ бы *долѣе* протянуть. Иноземцы всѣ ни о чемъ такъ не пекутся, какъ о мѣсячныхъ деньгахъ". Посошковъ далѣе разсказываетъ, какъ онъ самъ видѣлъ одинъ случай, бывшій съ иноземцемъ у Алексѣя Александровича Курбатова: „иноземецъ принесъ ему фузею, къ которой деревянное ложе дѣлалъ, гладкое — ни рѣзей, ни костей въ него не сажено, дѣлалъ его 4 мѣсяца, и ему шло едва ли не выше 10 рублей въ мѣсяцъ. „А если бы, прибавляетъ Посошковъ, отдать тое ложе съ договоромъ, то сдѣлали его дня въ 2 или въ 3 и взяли бы за него рубля полтора или бы 40 алтынъ... Алексѣй Александровичъ вельми кричалъ, что ложе больше двухъ рублевъ не стоитъ, а вышло близъ 60 рублевъ!" Не мудрено, что Иванъ Тихоновичъ, близко соприкасавшійся съ иностранцами и по своей службѣ въ Оружейной палатѣ и въ торговыхъ дѣлахъ, очень часто дѣлаетъ о нихъ такіе отзывы: „Я ихъ множицею видѣлъ, что они самолюбивы и намъ во всякомъ дѣлѣ льстятъ, деньги манятъ, а насъ всякими вымыслы пригоняютъ къ скудости и безславію... Я чаю, что всѣмъ Европскимъ жителямъ то надобно, чтобъ они одни славились и богатѣли, а мы бы *отъ нихъ* изъ рукъ глядѣли... Мнѣ вельми сумнительно въ иноземцахъ: во всякихъ дѣлахъ себя и свою братію хранятъ и возносятъ, а насъ ни во что вмѣняютъ; не прямые они намъ доброхоты, того ради и ученью ихъ не вельми надобно вѣрить—мню, что во всякомъ дѣлѣ насъ обманываютъ и ставятъ насъ въ совершенные дураки".

„Нѣмцы никогда насъ не поучатъ, чтобы мы бережно жили и ничего бъ напрасно не теряли; только то выхваляютъ, отъ чего бъ имъ какой пожитокъ припалъ, а не намъ. Они не токмо себя, но и прочихъ свою братію всякими вымыслы богатятъ, а насъ больше въ скудость пригоняютъ... А за благодатію Божіею, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Посошковъ, есть у великаго государя всякихъ людей разумныхъ. Много нѣмцы насъ умнѣе науками, а наши остротою, по благодати Божіей, не хуже ихъ, а они ругаютъ насъ напрасно".

Въ заключеніи же своей главы о купечествѣ Иванъ Тихоновичъ рѣшительно говоритъ, что „намъ надлежитъ *свой умъ держать*, что намъ къ пополненію царственному потребно и прибыльно".

Не мудрено, что такой ярый русакъ, какъ Посошковъ, не только не скрывавшій своихъ убѣжденій въ отношеніи иноземцевъ, но оглашавшій ихъ дѣла въ своихъ трудахъ и въ то же время сознававшій ихъ могущество,—не мудрено, что Посошковъ не могъ ихъ не опасаться. Мнѣ даже, кажется, что именно это слишкомъ откровенное къ нимъ отношеніе послужило впослѣдствіи однимъ изъ предлоговъ къ отягченію его судьбы. По крайней мѣрѣ, изъ самой его книги видно, что такое опасеніе онъ чувствовалъ: „Они, говоритъ онъ про иноземцевъ, чаю будутъ на меня гнѣваться, если увѣдаютъ, что не на похвальбу написалъ и всячески будутъ тщатися, како бы меня опроврещи". Далѣе, разсказывая о повелѣніи дѣлать круглыя мѣдныя деньги и о вызовѣ иноземца Юрья Фробуса добыть къ тому мастеровъ изъ-за моря въ то время, какъ никто изъ своихъ и изъ иноземцевъ въ Россіи за это дѣло не брался, Посошковъ, выражаясь его словами, „все то денежное

дѣло установилъ и имъ иноземцамъ въ томъ аще и учинилъ пакость, обаче мнѣ шкоды никакой не было. А нынѣ, продолжаетъ онъ, нельзя ихъ не опасаться, понеже ихъ *множество* и за поносное на нихъ слово *не учинили бы* мнѣ какой пакости".

По всѣмъ другимъ вопросамъ, затронутымъ въ книгѣ „О скудости и богатствѣ", авторъ, изслѣдуя ихъ причины, даетъ здравые совѣты, не потерявшіе цѣны даже въ наше время. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи духовенства онъ говоритъ, что пресвитеру подобаетъ быть всегда трезву и слово ко всякому человѣку имѣть умилительное, взоръ кроткій, ступаніе ногъ тихое и къ людемъ словесъ, которыя имъ не полезны, отнюдь бы не говорили, „и аще пресвитеры будутъ благоразумніи и святы, то и люди его паствы всѣ будутъ разумительны и святости близко... А который изъ желающихъ получить пресвитерство, — продолжаетъ Посошковъ, — и весьма добръ, да пить любитъ, то таковыхъ въ священный чинъ отнюдь не высылать, понеже пьянство великъ порокъ пресвитеру наноситъ. А буде каковымъ случаемъ пресвитеръ или діаконъ напьется до пьяна, то шелъ бы въ утишное мѣсто и выспался, а народу бы себя отнюдь не открывалъ, что онъ пьянъ". Посошковъ также скорбитъ о нерадѣніи священническомъ къ своимъ обязанностямъ и указываетъ, что многіе деревенскіе мужики состарѣвся и умирали безъ исповѣди отъ непопеченія пресвитерскаго. „И о таковомъ нашемъ неисправномъ житіи помыслить ужасно!" — добавляетъ Иванъ Тихоновичъ.

О воинскихъ дѣлахъ Посошковъ, служившій нѣкогда въ Оружейной палатѣ, говоритъ, какъ знатокъ. Здѣсь при этомъ видно, что онъ самъ былъ замѣчательнымъ

стрѣлкомъ. Онъ разсказываетъ, что когда еще былъ молодымъ и находился въ Пензѣ, то тамошніе жители, узнавъ, что онъ „гораздо цѣльно стрѣляетъ“ („истинно не лгу“,—оговаривается Посошковъ), просили его остаться на лѣто для обороны отъ татаръ, потому что по ихъ словамъ они при напорѣ непріятелей „никого изъ нихъ убить не умѣютъ“, а если бы Посошковъ, даромъ пуль не теряющій и скорый на стрѣльбу, хотя бы одного изъ нихъ убилъ, то они не стали бы наѣзжать такъ настойчиво, а если бы „двухъ-трехъ человѣкъ убилъ, то и всѣ бы они исчезли“. Поэтому Иванъ Тихоновичъ въ подробностяхъ останавливается на обученіи русскаго солдата стрѣльбѣ, предлагая даже, какъ мы уже видѣли выше, ввести для того одиночное обученіе. Одновременно съ тѣмъ онъ совѣтуетъ усиленно заботиться объ исправномъ содержаніи солдатъ и ихъ обмундированіи какъ дома, такъ въ особенности на войнѣ. „Голодный,—говоритъ Посошковъ,—идучи и за солому защемляется, а не то что ему непріятеля гнать и черезъ ручьи скакать, онъ подобенъ осиновому листу и отъ малаго вѣтра шатается; у голоднаго и работа худа, а не то что служба“. „Я мню,—продолжаетъ онъ,—аще пищею и одеждою довольни были, то, чаю, что и служба у нихъ вдвое споряя была. А егда голоденъ и холоденъ и ходитъ скорчася, то онъ какой воинъ, что служа воетъ?“

X.

Въ слѣдующей главѣ „О правосудіи“ Посошковъ, исходя изъ той мысли, что понеже *судъ*, именуясь „*Божіимъ*“, долженъ быть ему подобенъ и не лицепріятенъ, съ горечью отзывается далѣе: „Колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ *древносмная* неправда одолѣваетъ. И того ради, по старому, на сильнаго суда сыскать не можно: кто съ кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ“. Иванъ Тихоновичъ со свойственною ему прямотою и здѣсь старается пробудить чувство справедливости, присущее всякому порядочному человѣку,—*не обижать слабаго*. „И буде,—говоритъ онъ,—одинъ изъ соперниковъ на судѣ силенъ и честенъ и словесенъ, а другой бѣденъ, или не бѣденъ да безсловесенъ и мало смыслящъ, то судьѣ надобно не стыдясь на сильное лицо возстати, аще въ безсловесномъ призначится правость. А который *многословіемъ своимъ* не дастъ въ словахъ выправиться, то всячески подобаетъ не давать его безсловеснаго изобидѣти. А кто передъ судьею придетъ и будетъ стоять молча, то надлежитъ судьѣ его дѣло паче докучливаго управить, потому что многіе люди бываютъ смирные и застѣнчивые, и аще ему крайняя нужда, а помощника нѣтъ, того ради всячески ему помогати“.

Во времена Посошкова, кромѣ именныхъ государевыхъ указовъ, при судопроизводствѣ примѣнялось „Уложеніе“ Царя Алексѣя Михайловича; по этому

закону передъ судомъ люди не всѣ были равны, а раздѣлялись по своему происхожденію или по сословію, къ которому принадлежали. Такъ, если какой-либо человѣкъ оскорблялъ словомъ крестьянина, то онъ за безчестіе платилъ только рубль, а если онъ наносилъ то же оскорбленіе посадскому, то платилъ 7 рублей, при нанесеніи же оскорбленія старшему представителю торговаго сословія „гостю“ уплачивалъ уже 50 рублей. Кто оскорблялъ боярина или окольничаго изъ простыхъ, такъ называемыхъ „тяглыхъ людей“, то есть платившихъ ежегодно казнѣ оброкъ, тотъ уже не могъ освободиться деньгами, а наказывался кнутомъ или же сажался въ тюрьму на 2 недѣли. Посошкову казалось несправедливымъ такое раздѣленіе и для устраненія его онъ предлагалъ такое устройство, которое близко подходитъ къ настоящимъ Судебнымъ уставамъ 20 ноября 1864 года. Авторъ „Книги о скудости и богатствѣ“ въ такихъ выраженіяхъ высказываетъ свою мысль: „И ради общежительства *любовнаго*, аще великій нашъ монархъ повелитъ судъ устроити *единъ*, каковъ земледѣльцу, таковъ и купецкому человѣку, убогому и богатому, солдату и офицеру, полковнику и генералу, и судъ учинить близостный, чтобъ всякому и низкочинному человѣку легко бы его доступать“. Кромѣ того, Посошковъ предлагаетъ „учинить новые пункты, которые освидѣтельствовать всѣмъ народомъ самымъ вольнымъ голосомъ, а не подъ принужденіемъ, дабы какъ богатымъ, такъ и убогимъ, высокочинцамъ и низкочинцамъ обиды и утѣсненія отъ недознанія никому въ томъ новоисправленномъ изложеніи не было. И всякія дѣла вершить не наизусть, но чтобъ на всякія дѣла были указныя

статьи ясныя". Посошковъ идетъ далеко впереди своего времени и предлагаетъ въ отношеніи свидѣтелей при тяжбахъ такую мѣру, которая введена только теперь во всѣхъ судебныхъ учрежденіяхъ, даже въ мировыхъ; онъ предлагаетъ: чтобъ „судьѣ никто не мѣшалъ, во всякой канцеляріи сдѣлать *особые чуланцы*, чтобъ во время допроса никто посторонній тутъ не былъ".

Иванъ Тихоновичъ, въ отношеніи купечества, бывшаго въ его время въ полусвободномъ состояніи, такъ какъ платило подушныя подати, высказывается за дарованіе ему болѣе крѣпкой сословной связи, чтобъ въ купечество иночинные люди отнюдь бы не вступали, а если кто изъ офицеровъ или дворянства похотятъ, то надлежитъ прежній свой чинъ отставить и записаться въ купечество и промышлять уже прямымъ путемъ, а не пролазомъ... „Либо воевать, либо торговать!"—прибавляетъ онъ. Посошковъ желалъ бы дать купечеству торгъ свободный, дабы отъ торговъ сами полнились и Его Величества интересъ умножали, потому что егда данъ будетъ русскому купечеству торгъ свободный, чтобъ не токмо иночинцы, но и *иноземцы* помѣшательства ни малого бъ не чинили. Кромѣ того онъ, для большей сплоченности сословія, чтобы въ купечествѣ „вси другъ другу помогали и до нищеты никого не допускали" и ради неподвижныя въ купечествѣ правды, полагалъ бы во всѣхъ рядахъ устроить сотскихъ и пятидесятскихъ и десятскихъ и надъ ихъ дверьми лавочными прибить о томъ дощечки, покрытыя бѣлилами, чтобъ всякій могъ здѣсь узнать про провѣрку своей покупки. Наконецъ у Посошкова проскальзываетъ мысль объ учрежденіи *купеческаго командира*, какъ главнаго вершителя дѣлъ этого сословія. Но Посошковъ не закры-

ваетъ глазъ и на недостатки, онъ прямо говоритъ, что товары самые плохіе, закрасивъ, продаютъ за добрые, и цѣну берутъ неправедную, неискусныхъ людей тѣмъ обманомъ вельми изъянятъ и въ вѣсахъ обвѣшиваютъ и въ мѣрахъ обмѣриваютъ, и отъ такого порядка людямъ великія пакости чинятся... „Сей древній купецкихъ людей обычай есть вельми не правъ. А аще бы въ купечествѣ самая христіанская *правда* уставилася, еже добрые бы товары за добрые продавали, а плохіе за плохіе и цѣну брали по пристоинству товара прямую настоящую и ни стара, ни мала не обманывали бъ, то благодать бы Божія возсіяла на купечествѣ, и Божіе благословеніе почило бы на нихъ, и торгъ бы ихъ святой былъ". Мнѣ кажется, эти слова съ отрадою можно прочесть и въ наше время, и многимъ торговцамъ—не лишне подумать, и подумать безпристрастно въ ожиданіи будущаго, о томъ, о чемъ 200 лѣтъ назадъ говорилъ вполнѣ русскій человѣкъ,что и купецъ долженъ имѣть совѣсть, долженъ имѣть душу!

Очень осторожно Посошковъ совѣтуетъ вести дѣла съ иностранными купцами: „подобаетъ намъ надъ ними господствовать, а имъ рабствовати передъ нами; они пріѣхавъ съ своими бездѣлками, нашимъ матеріальнымъ товарамъ цѣну низкую уставляютъ, а своимъ ставятъ двойную и выше двойныя цѣны. А кои у насъ въ Россіи обрѣтаются вещи, якоже соль, желѣзо, стеклянная посуда, скипидаръ, робячьи игрушки и пр., то всѣмъ тѣмъ надобно управляться своимъ, а у иноземцевъ тѣхъ вещей отнюдь бы никаковыхъ за полцѣны не покупать. А иныя ихъ нѣмецкія затѣйки и прихоти можно и пріостановить, дабы напрасно изъ Руси богатства не тащили, а на ихъ мяг-

кія лестныя басни и на всякія ихъ хвасти намъ смотрѣть не для чего“—заключаетъ Посошковъ свое мѣткое и полное ума разсужденіе о купечествѣ, которое далеко мы не исчерпали и которое въ цѣломъ представляетъ много любопытнаго и поучительнаго.

XI.

Въ главѣ „О художествѣ“ Посошковъ даетъ довольно цѣнныя свѣдѣнія о положеніи у насъ иконописанія. „Намъ надлежитъ,—между прочимъ говоритъ онъ,—съ великимъ опаствомъ святыя иконы писати, дабы въ томъ не погрѣшити; иныя иконы такъ небрежительно пишутъ, что страшно смотрѣти, отъ недознанія своего тако, что аще бы таковымъ размѣреніемъ былъ кто живой человѣкъ, то бы онъ былъ страшилищемъ“. Посошковъ совѣтуетъ людямъ, знающимъ „размѣреніе человѣческое“, сдѣлать азбуку русскую и написать ее не нѣмецкимъ, а русскимъ манеромъ, на разныхъ листахъ: на первомъ—человѣка въ совершенномъ возрастѣ стояща прямо, и руки и ноги распростерты прямо же, раздѣливъ его линіями и на чертахъ размѣръ положить вершками. На второмъ листѣ написать младенца новорожденнаго, на третьемъ однолѣтняго, на слѣдующемъ двухлѣтняго, и такъ погодно написать до 25 лѣтъ, дальше до 30-го года прибавлять по 2 года, съ 30 до 90 прибавлять къ каждому возрасту по 5 лѣтъ. Эту азбуку написать, какъ

говоритъ Посошковъ, „нагими тѣлесы, а другую—въ платьѣ стоящихъ и сидящихъ со всякими видами. Потомъ вырѣзать листы азбукъ на мѣдныхъ доскахъ и по напечатаніи разослать ихъ всѣмъ иконникамъ и повелѣть имъ писать противъ тѣхъ азбукъ. А деревенскимъ мужикамъ, продолжаетъ онъ,—и безграмотнымъ надлежитъ писаніе запретить; такъ плохо пишутъ, что ни рукъ, ни ногъ, только станъ да голова, а гдѣ надлежало глазамъ да устамъ быть написаннымъ, то тутъ однѣ точечки наткнуты,—то и образъ сталъ".

Сурово и безпощадно звучитъ голосъ Ивана Тихоновича въ отношеніи „разбойниковъ", здѣсь онъ, такъ же, какъ и въ расколѣ, не идетъ дальше своего вѣка. „Слухъ есть про иноземцевъ,—говоритъ онъ,—что они воровъ долго не держатъ; лише сыщутъ вину, тотчасъ его и казнятъ и не токмо за разбой великій и душегубный, но и за кражу вѣшаютъ,—и того ради воровать и не смѣютъ". Посошковъ какъ бы съ сожалѣніемъ замѣчаетъ: „а у насъ древніе указы вельми *милостиво* ворамъ учинены, а *кого ограбятъ*, тѣмъ уже весьма не милостиво(!) Не точію за малую кражу, но и за 1000 рублевъ не повѣсятъ; того ради и поимки не весьма боятся... А если бы и у насъ въ Россіи,—продолжаетъ Посошковъ,—разбойниковъ вскорѣ вершили по-иноземски и за *старыя вины* смерти предавали безъ спуску и безъ отлагательства, то вельми бы страшно было воровать".

Главы о крестьянствѣ, дворянствѣ и земляныхъ дѣлахъ, очень обстоятельныя, во многомъ утратили для насъ свою цѣнность, потому что главный животрепещущій ихъ предметъ — крѣпостное право уже не су-

ществуетъ, тѣмъ не менѣе мы должны сказать, что причинами крестьянской скудости въ то время онъ видѣлъ: 1) ихъ постоянную лѣность, 2) неразсмотрѣніе правителей, 3) насиліе помѣщиковъ и 4) небреженіе послѣднихъ. Посошковъ разсказываетъ, что „помѣщики налагали на крестьянъ своихъ бремена неудоборосимыя; есть такіе безчеловѣчные дворяне, что не даютъ въ работную пору своимъ крестьянамъ на себя единаго дня сработать; многіе дворяне говорятъ: не давай крестьянину обрости, но стриги его яко овцу до гола“. Но, какъ безпристрастный человѣкъ Посошковъ причиною крестьянской бѣдности ставитъ и ихъ лѣнь, которую онъ въ своемъ трудѣ даже ставитъ прежде всего. Онъ говоритъ, что кой крестьянинъ изгуляется, то въ томъ уже пути не будетъ, токмо уклонится въ разбой и во иныя воровства, а буде кой станетъ лежебочити,—продолжаетъ онъ,—то таковыхъ бы жестоко наказывать. А буде крестьянинъ хлѣба напахавъ, станетъ гулять и впредь ничего не станетъ запасать, за таковыми надлежитъ смотрѣть и жестоко наказывать, чтобъ отъ лѣности своей въ скудость не приходили и въ воровство бы и въ пьянство не уклонялись... А буде — продолжаетъ, въ другомъ мѣстѣ Посошковъ,— при дворѣ своемъ никакой работы пожаточной нѣтъ, то шелъ бы въ такія мѣста, гдѣ изъ найму люди работаютъ, дабы даромъ времени своего не теряли,— и тако творя, никакой крестьянинъ ни оскудѣетъ... И всѣ бъ смотрѣли накрѣпко, чтобъ никакой крестьянинъ гулякомъ не былъ ни лѣтомъ, ни зимою; не токмо большіе, но и малыя ребята даромъ бы не шатались: оные учились бы грамотѣ, а оные рукодѣлію, каковое водится во крестьянахъ; буде кой топоромъ

еще не сможетъ владѣти, то прясть бы учились, а научась шли бы на полотняные дворы, а тамъ бы зимою изъ найму или изъ хлѣба работали, а лѣтомъ— полевую работу. „И аще въ юности навыкнетъ работать, то и подъ старость гулякомъ не будетъ“. Посошковъ совѣтуетъ крестьянамъ жить дружно въ одну душу, другъ друга беречь и другъ за друга стоять, „и аще бы они жили союзно и обидъ своимъ не чинили, то бы всѣ крестьяне были сыты и житіе было бъ ихъ святое“.

Выше уже мы указали, что для полнаго благополученія крестьянъ Посошковъ предлагаетъ повсемѣстное и даже принудительное обученіе ихъ грамотѣ и заключаетъ: „Я видалъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то како во крестьянахъ не быть людемъ разумнымъ“.

На глазахъ Посошкова произошла перемѣна крестьянской подати отъ тягла, или оброка съ двора, на душу, но Посошковъ, какъ видно, болѣе сочувствовалъ прежнему порядку взиманія подати до Петра: „Я истинно много о семъ размышлялъ, — говоритъ онъ, — како бы *право* крестьянскіе поборы собирать, чтобы Его Величеству было прибыльно, а имъ не тягостно: и сего здравѣе не обрѣтохъ, что расположить ихъ дворы по владѣнію земли и колико онъ на ней хлѣба высѣваетъ... А во исчисленіи душевномъ, продолжаетъ онъ, не чаю жъ проку, потому что душа вещь неосязаемая, умомъ непостижимая и цѣны неимущая;—надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя “. Посошковъ предлагаетъ отводить подъ крестьянскій цѣлый дворъ съ гуменникомъ земли въ длину саженъ 50—60, а въ ширину 12 саженъ, т. е. чтобы дворъ

заключалъ въ себѣ отъ 600 и не болѣе 720 кв. саженъ, полудворъ 400 и четверть двора, 300 саженъ, и, сообразно занятому количеству двора, Посошковъ предлагаетъ обложить крестьянъ тягловою податью. При этомъ къ двору онъ отводитъ пахотной земли во всѣхъ трехъ поляхъ 12 четвертей, или 6 десятинъ (четверть прежняя мѣра, равна нашей полудесятинѣ), полудвору 3 десятины и наконецъ четверти двора $1^1/_2$ десятины. „Овины, — совѣтуетъ Посошковъ, — чтобъ въ далекости отъ двороваго строенія были“. Въ дополненіе своего предположенія о взиманіи подати съ тягла Посошковъ дѣлаетъ еще такую посылку: „Землю сотвори Богъ недвижиму, и владѣніе ея аще и переходитъ изъ рукъ въ руки, она обаче стоитъ недвижимо, того ради и поборъ съ нея (слѣдуетъ) учинить“.

Какъ человѣкъ, самъ вышедшій изъ крестьянской среды и потому близко ее знающій, Посошковъ даетъ совѣты, касающіеся даже частностей крестьянскаго быта, какъ телятъ молодыхъ, куръ, цыплятъ, предостерегаетъ отъ ловли молодой мелкой рыбы, чтобы тѣмъ ловомъ въ рѣкахъ и озерахъ рыбы не переводить. Относительно сбиранія орѣховъ Посошковъ дѣлаетъ много дѣльныхъ замѣчаній, которыя приложимы даже въ наше время. Онъ находитъ, что „въ спѣлыхъ орѣхахъ есть даже царственная прибыль, понеже они въ Персиду, къ Шведамъ и въ иныя земли идутъ, а неспѣлые за ничто гинутъ, а нынѣ многіе щиплютъ ихъ въ захватъ зеленые, а соспѣть отнюдь не дадутъ, и тѣмъ они сосѣдей оголожаютъ, а себѣ хлѣба отъ „ихъ не наживаютъ“. Посошковъ говоритъ, что объ орѣхахъ не худо бы принять заповѣдь, что „никто прежде Семенова дня Лѣтопровода (1 сентября) не

щипалъ, а послѣ этого дня, егда будутъ сыпаться, согласясь между собою, щипали бы, чтобы семейнымъ и безсемейнымъ безобидно было". Онъ предлагаетъ съ виновныхъ брать штрафъ „тѣмъ сугубѣе", чѣмъ зеленѣе будутъ сорванные орѣхи, до 5 рублей и высѣчь батогами. Тамъ же, гдѣ у деревень орѣшнику нѣтъ, онъ предлагаетъ вспахать нѣсколько десятинъ и заметать ихъ осенью орѣхами спѣлыми сырыми, и на слѣдующее лѣто его пополоть, а лѣтъ черезъ 6 или 7 деревья плоды принесутъ.

XII.

Въ главѣ о царскомъ интересѣ Посошковъ самою главною задачею пополненія царской казны считаетъ ту, чтобы при взысканіи „ни на кого ни какія обиды не навести; худой тотъ сборъ, говоритъ Посошковъ, алще, кто казну собираетъ, а людей разоряетъ". Онъ во многихъ случаяхъ указываетъ на небрежность разныхъ лицъ въ завѣдываніи царскими нуждами: „Азъ въ Новгородѣ видѣлъ двѣ палаты, накладены были конской сбруи и иныхъ полковыхъ припасовъ, и что тамъ ни было, все сгнило и пропало, выгребли весь тотъ припасъ лопатами, а на колико сотъ рублевъ того было, Богъ вѣсть". За Ладожскимъ озеромъ „на берегахъ лежитъ множество дубовыхъ брусьевъ, чаю оный брусъ рублевъ по 100 сталъ и— иное брусье уже замыло пескомъ, иное чуть и видѣть

изъ песка". Въ Петербургѣ къ корабельному дѣлу были приготовлены такіе лѣса, что ни расколоть, ни тесать нельзя, даже щепы отъ нихъ ломаются надвое или натрое. „И такого дерева,—замѣчаетъ Посошковъ,—къ корабельному дѣлу близко не потребно (бы было) привозить". О рабочихъ, присылавшихся въ Петербургъ для постройки города „на трехмѣсячную работу", Посошковъ отзывается такъ: „На ихъ работу смотрѣть маркотно, потому что гонятъ день къ вечеру, а не работу къ отдѣлкѣ". Конечно, Посошковъ не называетъ лицъ, которыя смотрѣли за всѣми указанными дѣлами, но, безъ сомнѣнія, такъ горячо отстаивая государственные интересы и высказываясь такъ прямо и рѣшительно, онъ нажилъ себѣ много враговъ и между вліятельными лицами, постаравшимися отплатить Посошкову съ лихвою, когда на него обрушились несчастья. Врядъ ли многимъ нравились, напримѣръ, такія его слова: „Всѣмъ правителемъ смотрѣть, чтобы ни что даромъ не пропадало и никакіе люди даромъ хлѣба не ѣли, но всѣ бы трудились и плодъ приносили".

Посошковъ, самъ занимался виннымъ дѣломъ, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ того, что „питейная прибыль—самый древній интересъ царскаго величества, а не помѣщичій". Но въ то же время онъ съ горечью отзывается, „что многіе судьи стараются о томъ, чтобъ питье было дешевле и пили больше, а того не разсудятъ, что у трезвыхъ людей во всѣхъ чинѣхъ въ дѣлахъ всякаго исправленія больше, а у пьяныхъ людей у приказныхъ все неспоро, а у мастеровыхъ людей—и спрашивать нечего: токмо отъ питья люди въ великое оскудѣніе приходятъ, и царскому интересу препятіе не мало отъ излишняго питья чинится".

Любопытны здѣсь же слова Посошкова о царской власти. „У насъ самый властительный и всецѣлый монархъ,—говоритъ онъ,—и не аристократъ, ниже демократъ; нашъ царь не купецъ, но самодержавный повелитель: какъ чему повелитъ быть, тако тому и подобаетъ неизмѣнно, и не мало ни направо, ни налѣво—неподвижно. Яко Богъ всѣмъ свѣтомъ владѣетъ, такъ и царь въ своей державѣ имѣетъ власть и по его царской власти подлежитъ всякой власти вящше быть постоянной и похвальной".

Ивану Тихоновичу хотѣлось также, чтобы всякій чинъ носилъ собственное свое платье и „потребно бы учинити, продолжаетъ онъ, чтобы никто выше мѣры своея одеждъ и всякихъ украшеній не строили". Онъ нападаетъ и на монаховъ, которые „носятъ рясы луданыя, атласныя и штофныя, и говоритъ, что сіе весьма непристойно, они бо уже міра отреклися, они живые мертвецы, они токмо Богу живы; того ради не подобаетъ имъ ни малаго убранія не токмо въ одеждахъ имѣть, но и во всякихъ вещахъ украшати себя свѣтскими украшеніями не надлежитъ, но подобаетъ имъ украшати себя святымъ житіемъ и всякими добродѣтелями, паче же смиреніемъ и изъ монастыря нехожденіемъ. Имъ по чину подобаетъ носить самое простотное одѣяніе, отъ волны сотканное, а покрой рясамъ надлежитъ быть „мѣшковатымъ, чтобы и въ томъ украшенія ни малаго не было".

XIII.

Мы исчерпали посильно выдающіяся мѣста изъ сочиненія Ивана Тихоновича, а остановились такъ подробно на позднѣйшемъ его сочиненіи потому, что, съ одной стороны, оно писано имъ почти уже въ семидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ такихъ слѣдовательно годахъ, когда онъ уже стоялъ на послѣдней ступени жизненной лѣстницы, и составленіе книги о скудости и богатствѣ въ это время менѣе всего можно объяснить какими-нибудь личными побужденіями, свойственными другимъ возрастамъ; а дѣйствительно человѣку, много видѣвшему и испытавшему на своемъ вѣку, хотѣлось оставить искреннее, полезное наставленіе для другихъ, слѣдующихъ поколѣній. Хотя Посошковъ и оговаривается, чтобы имя его „сокровенно было отъ сильныхъ лицъ, паче же отъ нелюбящихъ правды“, но несомнѣнно, что онъ желалъ, чтобы его книга достигла до высоты Престола, „на разсужденіе, какъ онъ выражается, высокопарнаго бѣлаго орла, явнаго правдолюбца Императора Всероссійскаго Петра Великаго, истиннаго самодержца, столько незыблемаго, пламень любви къ которому понудилъ на сіе дѣло“. Съ другой стороны, „Книга о скудости и богатствѣ“ болѣе другихъ сочиненій полна его воззрѣніями на всѣ стороны современнаго общественнаго быта и при недостаткѣ біографическихъ данныхъ о жизни Посошкова даетъ возможность судить о причинахъ несчастія въ послѣдніе его годы.

Какъ въ книгѣ „О скудости и богатствѣ“, такъ и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, Ивана Тихоновича можно упрекнуть въ томъ же, въ чемъ и многихъ другихъ, болѣе именитыхъ и выдающихся его современниковъ, именно—во введеніи въ свою русскую рѣчь иностранныхъ словъ, впервые появившихся въ Россіи вмѣстѣ за заморскими учителями въ царствованіе Великаго императора. Въ трудахъ Посошкова встрѣчаемъ слова: пункты, регулъ, интересъ, оперы, самая эссенція, рекреаціи и др. Онъ зналъ употребленіе и также называлъ въ своихъ сочиненіяхъ компасъ и глобусъ — въ ихъ теперешнемъ значеніи. Но одновременно съ тѣмъ онъ ссылается и на знакомство съ такимъ предметомъ, который вѣрнѣе другихъ ведетъ къ познанію самого себя и другихъ именно — съ родной исторіей. Онъ то и дѣло указываетъ, что это или иное событіе произошло при томъ или другомъ государѣ: ему знакомы и Грозный и Михаилъ Ѳедоровичъ Романовъ, и Татарское иго, и завоеваніе Сибири, и неудачные походы Голицына для покоренія Крыма. Онъ сообщаетъ, напримѣръ, подробности, неизвѣстныя многимъ историкамъ, о литьѣ денегъ при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, что онѣ „дѣлались изъ чистаго серебра, *на кости* плавленнаго“.

Одною стороною своей дѣятельности Посошковъ близко подходилъ къ особенностямъ Великаго государя: какъ послѣдній хотѣлъ все видѣть самъ, сплошь и рядомъ поработать своими собственными руками, такъ и Иванъ Тихоновичъ до самой своей старости за все брался самъ, а силу воли и предпріимчивости сохранилъ вполнѣ до самой послѣдней минуты своего свободнаго существованія. Врожденная и выработавшаяся

у него путемъ чтенія и бесѣдъ наблюдательность замѣтна всюду въ его сочиненіяхъ: „самъ видѣлъ“, „самому пришлось досмотрѣть“, „мнѣ самому сказали“, „самъ ѣхалъ“ — подобныя слова встрѣчаются очень часто. Какъ человѣкъ, надѣленный большимъ здравымъ смысломъ, что называется „смѣткою“, Посошковъ быстро переходилъ отъ словъ къ дѣлу. Онъ, напримѣръ, разсказываетъ, какъ находился на Денежномъ дворѣ и ставилъ станы, въ коихъ деньги и монеты печатаются; здѣсь онъ замѣчаетъ, что хотя стулья и были дубовые и только на половину вкопаны въ землю, но въ 3 года тѣ стулья всѣ пропадали. Со свойственною предпріимчивостію и знаніемъ дѣла Посошковъ берется сейчасъ же исправить недостатокъ: „и я по двѣ дубины здоровыя сплотилъ,—говоритъ онъ,—и станы въ нихъ поставилъ, то и до нынѣ стоятъ не вредны“. Посошкову нужно было, чтобы его приборъ точно удовлетворилъ самому дѣлу, былъ бы проченъ, вполнѣ исчерпалъ и оправдалъ бы стоимость, а объ остальной отдѣлкѣ, объ изяществѣ онъ не заботился. Не виденъ ли въ немъ нетребовательный русскій человѣкъ, съ его особенностію—удовлетвореніемъ прежде всего существенно необходимыхъ потребностей при относительной простотѣ жизни, и не указываетъ ли примѣръ Посошкова на тотъ путь, на тѣ историческіе запросы, которые предъявляла вся масса русскаго народа, выдѣлившаго случайно изъ своей среды Посошкова, и которые до сихъ поръ живы и будутъ жить въ немъ, какъ въ великомъ славянскомъ самобытномъ племени, съ первыхъ поръ историческаго существованія ярко опредѣлившемся своею патріархальностію жизни при необыкновенной стойкости, храбрости и равнодушіи къ смерти при защитѣ отечества.

XIV.

Ищущій вездѣ правды, желавшій отъ людей любви, упрямо отстаивавшій свои взгляды, надѣленный обиліемъ здраваго смысла, соединеннаго съ большимъ самообразованіемъ, Посошковъ, умѣвшій съ перваго взгляда опредѣлять человѣка, въ какой бы оболочкѣ послѣдній ни находился, имѣлъ не мало недоброжелателей, какъ можно было видѣть не разъ изъ его сѣтованій. Это же горькое чувство къ людямъ, его не понявшимъ, звучитъ и въ слѣдующихъ словахъ Ивана Тихоновича, написанныхъ имъ по окончаніи „Книги о скудости и богатствѣ“:

„Иного ничего не требую, чтобъ имя мое сокровенно отъ сильныхъ лицъ было, да не явится мое имя ненавистливымъ и завистливымъ людямъ, паче же ябедникамъ и обидникамъ и любителямъ неправды, понеже, *не похлѣбуя имъ*, писахъ. И аще увидятъ о моей мизирности, то не попустятъ меня на свѣтѣ ни малаго времени жити, но прекратятъ животъ мой“.

28 января 1725 года скончался Великій Преобразователь Россіи, государь, жизнь котораго безъ сомнѣнія много вліяла на развитіе предпріимчивости въ Посошковѣ. Подлѣ императрицы Екатерины Алексѣевны во главѣ правленія явился во всей силѣ власти кн. А. Д. Меншиковъ. Можно представить себѣ огорченіе Ивана Тихоновича, когда онъ узналъ о смерти

государя, котораго глубоко любилъ и уважалъ. Въ это время онъ перешелъ уже за *семидесятилѣтній возрастъ*, а предпріимчивость однако не оставляла его.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1725 г. Посошковъ съ семействомъ пріѣхалъ въ Петербургъ просить разрѣшенія завести въ Новгородѣ коломенковую и полотняную фабрику, дабы „хлѣбъ ядши, говорилъ Иванъ Тихоновичъ, дѣлать прибытокъ Богу, царю своему, всей братьѣ и себѣ“. О семействѣ его у всѣхъ ученыхъ, изучавшихъ его сочиненія, имѣются самыя противорѣчивыя свѣдѣнія. Несомнѣнно, что въ 1725 году Посошковъ имѣлъ сына Николая и жену Софью Родіоновну. Послѣдняя, по найденной мною въ Архивѣ Министерства Юстиціи ея челобитной, также должна быть названа достойной помощницей мужа потому, что она прежде всего была грамотная (челобитная подписана собственноручно ею и весьма правильно), чего въ то время достигали не многія знатныя боярыни; участвовала въ торговыхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ мужемъ, характерныя особенности котораго были, какъ видно, восприняты ею, сочувствовала и оправдывала труды Ивана Тихоновича, говоря, что онъ работалъ „неусыпно и безкорыстно и тѣмъ учинилъ казнѣ не малую прибыль“, какъ сказано въ помѣщенной ниже ея челобитной 1728 года, уже послѣ смерти мужа. Посошковъ самъ разсказываетъ, что въ 1721 году, когда его по какому-то доносу капитанъ Невельскій „выбилъ изъ его жъ горницы, жена его стала говорить капитану: покажи де указъ, почему ты насъ изъ хоромъ выживаешь и животы печатаешь? И мы поупрямились,—продолжаетъ Посошковъ, — не пошли вонъ, и Невельскій сталъ грозить, что если не вый-

демъ, тогда жену твою за косу выволоку вонъ... И жена, убоясь увѣчья, по чужимъ дворамъ больше двухъ недѣль скиталась". По трудамъ Посошкова можно также весьма вѣроятно предположить что онъ былъ женатъ два раза. Такъ въ „Завѣщаніи", изданномъ Св. Синодомъ, Посошковъ въ предисловіи самъ говоритъ, что онъ „прейде бо отъ рожденія 67 лѣтъ, сынъ же мой Николай бѣ токмо 7 лѣтъ". Въ краткомъ же „Завѣщательномъ поученіи отеческомъ", изданномъ въ 1842 г. Погодинымъ, со списка, напечатаннаго въ 1815 году Розановымъ, не называется по имени сына, но потому что здѣсь его сынъ *единый* и наслѣдниче" посылается по волѣ Государя за границу для обученія наукамъ въ 1708 году, когда его вышеназваннаго сына Николая не было еще на свѣтѣ, очевидно, что оба сына два различныхъ лица и отъ разныхъ матерей. На вторичный бракъ указываетъ еще и то обстоятельство, что въ 1725 г. у Посошкова была взрослая замужняя дочь, очевидно отъ перваго брака, а названная нами Софья Родіоновна была жива еще въ 1735 году, „съ сыномъ суща малолѣтнимъ", когда была ея челобитная и когда Ивану Тихоновичу, если бъ онъ дожилъ до этого года, должно бы считать не менѣе 80 лѣтъ.

Въ прошеніи, поданномъ въ 1725 году Мануфактуръ Коллегіи, Посошковъ заявилъ желаніе дѣлать „каламенки травчатыя и стофы шерстянныя и камлоты и сталіеды и прочія дѣла, которыя могутъ изъ шерсти строитися, также и пополамъ съ шелкомъ, мѣшаныя; а полотна — широкія и гладкія узорчатыя, пестряди, скатерти и салфетки"; для укрѣпленія производства Иванъ Тихоновичъ просилъ отпустить къ

нему въ Новгородъ на время „коломенкова дѣла“ мастера, ткача и нѣсколько становъ.

Почти каждый человѣкъ, хотя разъ въ жизни, несетъ какое-либо испытаніе. У одного оно падаетъ на молодые годы, у другого въ середину жизни, а нѣкоторыхъ настигаетъ оно на закатѣ жизненнаго пути. Съ Посошковымъ случилось послѣднее. Мощною рукою схватило испытаніе семидесятилѣтняго старика, сжало его и, какъ дряблое сгнившее деревцо, раздробило на части. Прошли какіе-нибудь 2 мѣсяца пребыванія Ивана Тихоновича въ Петербургѣ, и вотъ онъ вмѣсто удовлетворенія своей просьбы 26 августа 1725 года былъ взятъ подъ караулъ въ страшную Канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, письма и бумаги его были также взяты для разсмотрѣнія.

Живо представляемъ себѣ ту минуту, когда партія солдатъ Канцеляріи, во главѣ съ канцеляристомъ Семеномъ Шурловымъ, оцѣпила домъ, гдѣ остановился Посошковъ, представляемъ семидесятилѣтняго Ивана Тихоновича, сопровождаемаго конвоемъ въ Канцелярію. Правда, Посошковъ съ подобнымъ учрежденіемъ, Преображенскимъ приказомъ, познакомился раньше, оправдался окончательно, но тогда были одни годы, тогда онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, теперь другое время и неизбѣжное старчество; тогда онъ въ силахъ былъ бороться съ обстоятельствами, теперь же могъ только покорно склонить имъ голову и ждать отъ нихъ милости. Тогда поднимались его заслуги, а вліятельныхъ враговъ почти не было. Теперь труды забывались, даже болѣе—къ нимъ относились подозрительно, а свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ, вслѣдствіе какихъ-то таинственныхъ причинъ, былъ его недоброжелателемъ.

На имѣніе Ивана Тихоновича, по взятіи его, было наложено запрещеніе, при чемъ Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ объясняла, что Посошковъ „явился въ важной винѣ“; и, кромѣ этого замѣчанія, о виновности Ивана Тихоновича нѣтъ, къ сожалѣнію, никакихъ данныхъ. Несчастіемъ Посошкова воспользовался его зять, полковникъ Роде, второй мужъ его дочери. Онъ жаловался, что тесть не отдалъ ему приданаго, которое обѣщалъ, якобы не отдалъ потому, что „онъ, Роде, не россійской націи и приказныхъ дѣлъ не знаетъ“.

Можетъ быть, Посошковъ, какъ истый русакъ и дѣлецъ, и позволилъ замѣтить что-нибудь подобное о своемъ зятѣ, но отнюсительно требованія его онъ въ допросахъ рѣшительно показалъ, что никакого приданаго не обѣщалъ, потому что дочь его вышла замужъ за Роде въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1725 года безъ вѣдома отца. Но есть русская пословица, что „на бѣднаго Макара шишки валятся“; пословица эта во всей силѣ сказалась на Посошковѣ. Несморя на его желаніе, несмотря на то, что у Ивана Тихоновича была семья, часть недвижимаго имѣнія была все-таки отдана его дочери, бывшей замужемъ за Роде.

Иванъ Тихоновичъ, какъ видно, до конца испивалъ чашу страданій. 1725 годъ былъ для него роковымъ: скончался любимый имъ государь, дочь противъ воли вышла замужъ за иностранца, самъ онъ былъ взятъ и заключенъ въ Тайной Канцеляріи, наконецъ, его несчастіе усугубилось выдачей части его состоянія дочери, оскорбившей отеческое чувство непослушаніемъ.

Слова, нѣкогда сказанныя Посошковымъ въ поученіе

сыну, послужили лебединою пѣснею для самого Ивана Тихоновича:

„Во всѣхъ видимыхъ и привременныхъ злоключеніяхъ буди благодаренъ и глаголи усты и сердцемъ: буди во мнѣ воля Твоя, Господи! Аще и смерть наведетъ на тя поносную, и тогда благодаренъ буди, понеже тою поносною смертію хочетъ тя очистити отъ грѣховъ твоихъ. И аще отъ всего сердца и помышленія вдашися во волю Божію, то никогда душею не погибнеши; и не только сносная бѣда, но и самая смерть ни во что будетъ. Еже ты будеши въ Богѣ, и Богъ въ тебѣ будетъ“!

Данныхъ о томъ, что Посошковъ подвергался въ заключеніи пыткѣ, нѣтъ. Вѣроятно, въ виду старости, а можетъ быть и въ виду отсутствія явныхъ уликъ, онъ не испыталъ ея страданій. 26 января 1726 года Посошковъ въ Тайной канцеляріи причастился Святыхъ Таинъ отъ протопопа Исакіевскаго собора Васильева. Зная уже глубокую и искреннюю увѣренность Ивана Тихановича въ безсмертіи души, что мы по его словамъ „на землѣ странницы и временные пришельцы“, мы думаемъ, что Посошковъ съ твердостію встрѣтилъ приближеніе смерти. Исполнивъ нравственный долгъ, онъ попросилъ дозволенія исполнить гражданскій—написать духовное завѣщаніе, „кому что дати, и на комъ что взяти“, и въ послѣднемъ своемъ желаніи остался вѣренъ обычаямъ старины и предковъ, считавшихъ необходимостію сдѣлать распоряженія на случай „лишенія живота“. Просьба его была уважена, а 1 февраля 1726 г., въ девятомъ часу вечера Иванъ Тихоновичъ Посошковъ скончался и погребенъ на „убогомъ мѣстѣ“ (т.-е. кладбищѣ) у церкви Св. Сампсонія Страннопріимца, на Выборгской сторонѣ, между дру-

гими умершими колодниками Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ.

Недавно мнѣ удалось найти еще челобитную вдовы Посошкова, напечатанную въ „Чтеніяхъ“ Императорскаго Общества Исторіи и древностей при Московскомъ Университетѣ за 1902 годъ. Челобитная подана была въ Сенатъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1728 года, черезъ три года послѣ смерти Ивана Тихоновича, въ царствованіе Императора Петра Второго, когда князя А. Д. Меншикова постигла опала. Въ своей челобитной вдова говоритъ, что мужъ ея былъ взятъ *изъ дома ихъ* въ С.-Петербургѣ въ Тайную Канцелярію, а по *какому дѣлу — она не вѣдаетъ*. Дальше изъ той же челобитной видно, что Иванъ Тихоновичъ написалъ духовную *„съ болѣзни своей* и съ повелѣнія судейскаго“, что духовная не была выдана вдовѣ, а задержана въ Тайной канцеляріи. Софья Родіоновна объясняетъ дальше, что мужъ ея „былъ опредѣленъ въ Новгородѣ у водочнаго строенія и у фонтаннаго и гербованія бумаги съ 1710 по 1715 годъ, трудился безотлучно и *безкорыстно*, чрезъ свои *неусыпные труды* учинилъ казнѣ не малую прибыль, о чемъ явно въ Новгородской и Санктпетербургской канцеляріяхъ“. За эти годы Посошкову было обѣщано жалованье по 200 рублей въ годъ, да кромѣ того особо за кормы работниковъ, всего ему причиталось 2020 р. 87 коп., которые, какъ говоритъ вдова въ челобитной, „мужъ мой по многому его требованію *не получилъ до своей смерти*“. Вдова проситъ, ради милости, по случаю коронованія Государя, означенныя деньги зачислить въ доимку, оставшуюся на ея умершемъ мужѣ по его подрядамъ въ казну, а остатки выдать ей для уплаты долговъ, остав-

шихся послѣ Ивана Тихоновича. Такъ какъ на деревни и дворы Посошкова было наложено запрещеніе, то вдова проситъ таковое съ нея и съ малолѣтняго ея сына снять, а ларецъ мужа съ письмами и духовную ей выдать.—Рѣшенія по челобитной вдовы Посошкова въ томъ дѣлѣ нѣтъ, но судя по другой ея же челобитной 1735 года, она въ это время уже распоряжалась оставшимися послѣ мужа деревнями свободно, слѣдовательно ея челобитная 1728 г. была удовлетворена и если не вполнѣ, то въ этой или другой части—несомнѣнно.

XV.

Прошло четверть вѣка послѣ смерти Ивана Тихоновича. Изъ среды русскаго народа возросъ другой самородокъ, но уже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; на немъ во всемъ величіи развернулись широкія способности русскаго человѣка, явился М. В. Ломоносовъ. Видѣвши на своемъ опытѣ, какъ тяжело, любя знаніе, двигать его на коренныхъ русскихъ началахъ, Ломоносовъ не могъ, конечно, не знать Посошкова; слишкомъ мало еще протекло времени отъ смерти послѣдняго и слишкомъ, но нашему убѣжденію, были извѣстны сочиненія Ивана Тихоновича въ образованномъ русскомъ обществѣ, чтобъ Ломоносовъ не зналъ Посошкова. На копіи съ „Книги о скудости и богатствѣ“, хранящейся въ Императорской Академіи Наукъ, сдѣлана слѣдующая замѣтка: „Списана 1752 г., а для списанія получена отъ г. Совѣтника М. В. Ломоносова“. Несомнѣнно, что русскій профессоръ хо-

тѣлъ чѣмъ-нибудь увѣковѣчить имя своего даровитаго предшественника на благородной нивѣ развитія знаній въ русскихъ, но вѣроятно, заваленный разнообразіемъ работъ, не могъ исполнить своего намѣренія. Есть указаніе, что Ломоносовъ предложилъ Академіи осуществить двѣ мысли Посошкова: объ учрежденіи народныхъ школъ и о размежеваніи земель, кромѣ того, предлагалъ объ изготовленіи списка съ „Книги о скудости и богатствѣ“; дальнѣйшихъ же подробностей нѣтъ. Для насъ любопытно только, что изъ писателей именно Ломоносовъ первый остановилъ свое вниманіе на покойномъ Иванѣ Тихоновичѣ.

Прошла другая четверть. Явился замѣчательный русскій человѣкъ Н. И. Новиковъ, всю свою жизнь положившій на развитіе просвѣщенія въ русскихъ, на обогащеніе ихъ знаній полезными сочиненіями, старавшійся, при несовершенствѣ нарождавшагося въ Россіи печатнаго дѣла, его дороговизнѣ, сдѣлать доступными по цѣнѣ книги для большаго числа русскихъ читателей. Онъ выпустилъ „Историческій словарь о россійскихъ писателяхъ“ и въ него включилъ Посошкова. Въ 1793 и въ 1815 годахъ были изданы нѣкоторыя мелкія сочиненія Ивана Тихоновича, а въ 1840 году одинъ изъ глубокихъ знатоковъ русскаго народа и его исторіи М. П. Погодинъ случайно, черезъ посредство другого лица, на аукціонѣ купилъ одну изъ копій „Книги о скудости и богатствѣ“, Посошкова. Въ 1842 г. онъ издалъ означенную книгу съ присоединеніемъ трехъ мелкихъ сочиненій Ивана Тихоновича на иждивеніе одного изъ старѣйшихъ московскихъ обществъ, именно Исторіи и древностей Россійскихъ, въ количествѣ 1200 экземпляровъ.

По мнѣнію Погодина, Посошковъ былъ „геніальнымъ государственнымъ, русскимъ по преимуществу, умомъ, проницательнымъ, толковымъ спокойнымъ, преданнымъ церкви, государю и отечеству“.

„Благодарю судьбу, писалъ далѣе Погодинъ, которая доставляетъ мнѣ случай ввести такого великаго человѣка въ святилище русской исторіи“. Можно сказать, что именно Погодину принадлежитъ заслуга настойчиваго проведенія трудовъ Посошкова въ матеріалы для исторіи. Съ его легкой руки, А. П. Брикнеръ разсматриваетъ Ивана Тих. какъ экономиста, г. Царевскій—какъ богослова, военный журналъ—съ своей точки зрѣнія. Посошковъ появляется въ трудахъ Устрялова, Соловьева, Куника и другихъ историковъ, заинтересовавшихся сочиненіями и его жизнію.

Одинъ изъ ученыхъ, профессоръ Московскаго университета Лешковъ, въ день столѣтняго юбилея университета 12 января 1855 г. „помянулъ справедливою похвалою тѣхъ русскихъ людей, которые до университета собственнымъ размышленіемъ, при помощи древняго русскаго ученія, *поддерживали* жажду познаній въ себѣ, возбуждали ее въ современникахъ, распространяли по Россіи *и тѣмъ приготовили учрежденіе въ Москвѣ университета*“. Въ числѣ ихъ профессоръ Лешковъ, назвалъ, конечно, и И. Т. Посошкова.

Въ 1872 г. А. Н. Попову удалось найти и напечатать часть „Завѣщанія отеческаго“ Посошкова, а въ 1890 г. Е. М. Прилежаеву посчастливилось обнаружить въ Архивѣ Святѣйшаго Синода остальную часть его, и въ 1893 г. „Завѣщаніе“ въ цѣломъ составѣ прекрасно издано Св. Синодомъ.

Въ настоящее время почти всѣ *сочиненія* Ивана

Тихоновича напечатаны, но свѣдѣній документальныхъ о его *жизни* слишкомъ мало. Конечно, труды Посошкова служатъ хорошимъ источникомъ для выясненія убѣжденій и внутренней жизни его, но внѣшняя сторона послѣдней нуждается во многихъ подкрѣпленіяхъ и исправленіяхъ. Вѣримъ, что изслѣдователямъ родной старины удастся пополнить недостающіе пробѣлы.

XVI.

Мы разсмотрѣли жизнь Ивана Тихоновича Посошкова, насколько позволили намъ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія. Свѣдѣнія не полны, но намъ кажется, что и приведенныхъ чертъ достаточно для того, чтобы видѣть, какой поучительный примѣръ даетъ намъ жизнь этого замѣчательнаго русскаго самородка, какой добрый урокъ передъ нами для правильной оцѣнки дѣятельности своихъ самобытныхъ талантовъ. Отъ души желаемъ, чтобы память этого славнаго русскаго человѣка не была забыта во многихъ поколѣніяхъ русскаго народа, величіе котораго было однимъ изъ постоянныхъ желаній и стремленій Посошкова. Желаемъ, чтобы тѣ простыя и вѣчныя истины, за которыя ратовалъ Иванъ Тихоновичъ для народнаго благосостоянія, какъ развитіе трезвости, неусыпной дѣятельности, любви къ родинѣ и ея самобытности, стремленіе къ книжному знанію, своему самоусовершенствованію и

чистотѣ семейныхъ отношеній, прочувствовались въ народныхъ слояхъ, для которыхъ жизнь и труды Посошкова должны быть яснымъ примѣромъ, какъ многаго можетъ достичь самъ по себѣ человѣкъ даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ.

Для просвѣщенныхъ же читателей, знакомыхъ съ родной исторіей, дѣятельность и взгляды писателя-крестьянина начала XVIII вѣка также весьма поучительны. Его предпріимчивость въ то время, когда существовало и крѣпостное право и судъ, предъ которымъ знатный и простой гражданинъ стояли не на одномъ уровнѣ, когда наконецъ только что нарождалось господство иностранцевъ, пользовавшихся преимуществомъ предъ русскими людьми, эта предпріимчивость служитъ, по моему убѣжденію, лучшимъ опроверженіемъ раздающихся иногда мрачныхъ мнѣній о неспособности нашего народа къ дальнѣйшему саморазвитію и процвѣтанію. Посошковъ вышелъ именно изъ этой народной среды, нельзя даже отрицать того, что во многихъ случаяхъ онъ думалъ одинаково съ массою, какъ мы видѣли—въ отношеніи раскола, почты, разбойниковъ, но въ то же время въ прочихъ взглядахъ онъ отражаетъ и все остальное цѣльное міровоззрѣніе русскаго народа, поражающее своею силою и мудростію.

Въ рѣчахъ Посошкова однако, какъ мы уже сказали, слышатся и жестокая грубость и безжалостность въ отношеніи лицъ, нарушившихъ дорогіе сердцу и уму русскаго человѣка незыблемые устои, какъ вѣра, жизнь и право собственности, въ отношеніи — старовѣровъ, убійцъ и грабителей, взгляды на которыхъ не отличаются особою терпимостію

и снисхожденіемъ въ народѣ и въ настоящее время; эти послѣднія обстоятельства могутъ, конечно, до нѣкоторой степени оправдывать суровость Посошкова, но они же даютъ матеріалъ видѣть въ Иванѣ Тихоновичѣ — русскаго крестьянина въ дѣйствительномъ его значеніи, чуждомъ прикрасъ, со всѣми его недостатками и достоинствами и убѣдиться, что послѣднихъ, какъ видно изъ воззрѣній и жизни Посошкова, гораздо болѣе, чѣмъ отрицательныхъ качествъ.

Слѣдя за ходомъ русской исторіи въ связи съ разсмотрѣнными сочиненіями и взглядами Посошкова, мы должны заключить, что если изъ одной и той же народной среды *всегда* выходили защитники родины, безмолвно умиравшіе и не оставившіе даже именъ, издревле: и подъ знаменами Святослава, и въ борьбѣ съ печенѣгами, половцами и татарами, съ литвою и нѣмцами, при завоеваніи Казани и Сибири, въ непрерывной многовѣковой борьбѣ съ ногайцами; отстоявшіе отечество въ Смутное время, а свою самостоятельность—во весь семнадцатый вѣкъ; помогшіе Великому императору возвысить Русь въ первоклассную европейскую державу; сломившіе могущество грозныхъ турокъ, а въ 1812 г.— напоръ всей Европы съ геніальнымъ полководцемъ во главѣ и, наконецъ, еще недавно пролившіе безкорыстно свою кровь за далекихъ братьевъ славянъ,— если, слѣдовательно, съ одной стороны, народъ всегда достигалъ самообороны отечества, смѣло жертвуя своею жизнію, а съ другой—въ своемъ мирномъ развитіи онъ способенъ выдѣлять Посошковыхъ, не говоря уже о Ломоносовыхъ, то, по моему глубокому убѣжденію, за будущее такого народа опасаться нечего. Наша обя-

занность—помочь только ему въ поступательномъ движеніи: терпѣливымъ *отеческимъ* отношеніемъ, гдѣ возможно, и просвѣщеніемъ. И то и другое для него то же, что для голоднаго кусокъ хлѣба.

Остается еще прибавить, что Посошковъ представляетъ собою яркій образецъ (типъ) хорошаго добраго москвича, соединяющаго свойственныя ему терпѣніе и выносливость съ трудолюбіемъ сѣверянина и отвагой южанина, смышленность и предпріимчивость ярославца съ твердостію духа и свободолюбіемъ новгородца. Онъ есть одна изъ единицъ, которыя нѣкогда дали прочный матеріалъ „Собирателямъ Руси“ на неплодородной почвѣ насадить здоровые побѣги, изъ которыхъ выросло и окрѣпло могучее Московское государство. Москвича, подобнаго Посошкову, можно встрѣтить по всей Руси великой и въ наше время, и вездѣ онъ устроитель, и всюду, и почти всегда, онъ доводитъ дѣло до конца, вынося на плечахъ своихъ всѣ невзгоды и неудачи.

Цѣна 40 коп. Для членовъ Общества 25 коп.

Изданія

Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

---

1) Сборникъ „Старина и Новизна“ 1, 2, 3 и 4 книги. Цѣна 2 руб каждой книгѣ, для членовъ Общества по 1 р. *).
2) I выпускъ „Завѣтъ Царя-Миротворца“. Рѣчь протоіерея П А. Смирнова, произнесенная 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества Изданіе безплатное.
3) II выпускъ. а) Рѣчь гр. С. Д Шереметева.
   б) Стихотвореніе А. Н. Майкова.
   в) Стихотвореніе гр. А А. Голенищева-Кутузова, произнесенное 26 февраля 1897 г. въ торжественномъ собраніи Общества. Изданіе безплатное.
4) III выпускъ. Братья Кирѣевскіе Жизнь и труды ихъ. Валерія Лясковскаго. Цѣна 80 к., для членовъ Общества 40 коп.
5) IV выпускъ. Біографія генерала Котляревскаго. Соч. гр. В. Соллогуба. Цѣна 1 р., для членовъ Общества 50 коп
6) Татевскіи Сборникъ. С. А. Рачинскаго. Съ приложеніемъ портрета А. С Хомякова Цѣна 1 р. 50 к., для членовъ Общества 1 руб
7) Бесѣды о древней русской литературѣ. И. П Хрущова. Цѣна 1 р 25 к, для членовъ Общества 65 коп.
8) Переводы. Выпускъ I „Константинополь“. Соч. Ф. Маріона Крауфордъ. Переводъ съ англ гр. Е П. Шереметевой, подъ редакц проф. Помяловскаго. Цѣна 50 к., для членовъ Общества 25 к.

Складъ изданій Общества:

1) С.-Петербургъ, Фонтанка, 34.
2) Москва, Воздвиженка, д. 8 гр. С. Д. Шереметева.

1902 г

---

*) Гг. *Члены Общества* могутъ получать *по уменьшенной* цѣнѣ лишь *по одному экземпляру* каждой книги, требуемые же сверхъ сего экземпляры оплачиваются по цѣнѣ, установленной для постороннихъ лицъ.